

ДЖОН КЕЙ

ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ КИТАЯ

• АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ • ДОИМПЕРСКИЕ
ГОСУДАРСТВА • РАСЦВЕТ И ПАДЕНИЕ ДИНАСТИЙ
• ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЭПОХ • ЛЕГЕНДАРНЫЕ
ИМПЕРАТОРЫ И КЛЮЧЕВЫЕ ПЕРСОНЫ • ГЛАВНЫЕ
СОБЫТИЯ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ

18+

Джон Кей

Полная история Китая

«Азбука»

2008

УДК 94(510)
ББК 63.3(5Кит)

Кей Д.

Полная история Китая / Д. Кей — «Азбука», 2008

ISBN 978-5-389-31786-4

От дописьменного периода до конца XX столетия – видный британский историк Джон Кей представляет масштабную последовательную историю Китая. Созданная на богатом материале архивных источников, в том числе неопубликованных, эта книга уже признана в мире классикой. В подробном введении дается представление о географии Китая, хронологии его истории и особенностях языка, топонимов и имен собственных. В следующих разделах вы узнаете все самое главное о легендарных Пяти императорах, о мифическом царстве Ся и доимперских государствах Шан и Чжоу, об археологических находках, относящихся к бронзовому и железному векам, о периоде Сражающихся царств; о влиянии Конфуция, об объединении Китая Первым императором Цинь Ши-хуанди, о Культурной революции Цинь, возвышении и упадке Хань; о правлении династий Суй, Тан и Сун, об эпохе Пяти империй и Десяти государств, о триумфе и падении Мин. Освещены темы маньчжурского завоевания, ситуации в Джунгарии, Синьцзяне и Тибете, кризис Цин, ход Опиумных войн и восстание тайпинов; боксерское восстание, переход страны от империи к республике, события Русско-японской, Первой и Второй мировых войн и Культурной революции Мао Цзэдуна. Снабженное солидным справочным аппаратом, цветными вклейками, картами и таблицами, издание будет интересно широкому кругу читателей. «Эта книга предназначена для удовлетворения насущной потребности – представить читателю обзор истории Китая, для понимания которого не требуется предварительное знакомство с темой или знание китайского языка... История Китая достаточно длинна, а культура достаточно сложна. Искренне надеюсь, что в итоге усилия читателей будут вознаграждены сполна». (Джон Кей) В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(510)

ББК 63.3(5Кит)

ISBN 978-5-389-31786-4

© Кей Д., 2008

© Азбука, 2008

Содержание

Введение	8
Переписывая прошлое	8
Черная работа	12
Колыбель, основа и все остальное	14
Династическая динамика	18
Триумф пиньиня	21
Вопрос масштаба	24
1	28
Великое начало	28
Блеск бронзы	33
Встреча с родными	40
Изречения оракула	44
2	51
Следы сандалий Чжоу	51
Скорее осень, чем весна	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Джон Кей

Полная история Китая

Посвящается Джулли

Философ сказал: «Не приятно ли учиться и постоянно упражняться? Не приятно ли встретиться с другом, возвратившимся из далеких стран? Не тот ли благородный муж, кто не гневается, что он неизвестен другим?»

Конфуций. Беседы и суждения. Глава 1 (пер. П. С. Попова)

Тот, кто не забывает прошлого, властвует в настоящем.
Сыма Цянь. Исторические записки

John Keay

CHINA

A History

Впервые опубликовано на английском языке в HarperCollinsPublishers Ltd. под названием China: A History

Научный редактор: Дмитриев С. В., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий сектором древней и средневековой истории Китая Института востоковедения РАН

Текст печатается по изданию: *Кей Дж.* Китай: От Конфуция до Мао Цзэдуна / Пер. с англ. В. В. Степановой. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020.

© John Keay, 2008

© HarperCollinsPublishers, designed by HL Studios, Oxfordshire, maps and diagrams

© Translated under licence from HarperCollins Publishers Ltd. John Keay asserts the moral right to be acknowledged as the author of this work.

© Степанова В. В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

КоЛибри®

* * *

История Китая эпична... Невозможно понять волнующее будущее этой страны, не разобравшись в ее поразительном прошлом.

Traveller Magazine

Не принося суть в жертву краткости, автор сумел захватывающе рассказать историю Китая... Читатели, хоть немного знакомые с историей страны или только собирающиеся с ней ознакомиться, непременно полюбят эту книгу. Настоятельно рекомендуем.

Library Journal

В книге умело и с большой точностью передана суть научных дебатов по истории Китая – особенно дебатов между археологами и литературоведами.

Philadelphia Inquirer

Ясный, доступный рассказ с непревзойденным колоритом, разворачивающий перед читателем необыкновенную панорамную перспективу.

Open Letters Monthly

Империя подразумевает мировое господство – экспертный анализ истории Китая делает мир древних императоров поразительно современным и актуальным.

Observer

Введение

Переписывая прошлое

Экономическое возрождение Китая в постмаоистскую эпоху прошло не без потерь. Исчезли портреты Председателя Мао, многолюдные шествия рабочих с флагами и вооруженные мотыгами бригады на колхозных полях. Жилые кварталы, плотно застроенные по единому образцу, исполняют новую хореографию, транспортные эстакады встают над рисовыми полями, священные горы опутаны канатными дорогами, корабли на подводных крыльях рассекают гладь озер, которыми когда-то любовались поэты. Привычные очертания исторического ландшафта исчезли или превратились в достопримечательности для туристов. Торжественно выставленные на внутренний и внешний рынок, они неудержимо манят к себе представителей еще одного разрушительного братства – ученых из разных стран. Когда история переписывается с таким размахом, ничего святого не остается. Великая стена, Великий канал, Великий поход и даже большая панда – мифы, объявляют ученые-ревизионисты, способствуя возникновению взаимосвязей, а значит, невежественные вымыслы иностранцев следует заимствовать в интересах китайского шовинизма.

Вопреки заявлениям туристических брошюр было установлено, что возраст Великой стены вовсе не достигает двух тысяч лет, ее длина не десять тысяч километров и она не видна из космоса (на самом деле во многих местах она не видна даже на земле). К тому же она никогда не была единым непрерывным сооружением¹. Она не сдерживала набеги разбойников-кочевников, и не это было первоначальной целью ее постройки – вместо того чтобы обозначать и защищать существующие территориальные границы Китая, она предназначалась, возможно, для их планового расширения². Фрагменты Великой стены в окрестностях Пекина, которые сегодня можно с удобством осмотреть, были реконструированы именно ради подобного осмотра, а в их основании лежат остатки укреплений эпохи Мин, не старше дворцов Запретного города или лондонского Хэмптон-Корта.

Точно так же обстоит дело с Великим каналом. Протянувшийся от дельты Янцзы до Хуанхэ на расстояние около 1100 километров, канал предположительно играл роль главной артерии между плодородным «сердцем» (центральной областью) Китая и «мозгом», где находилось правительство. Сооруженный в VII веке, он действительно связывал изобильные южные земли с неурожайным севером, соединяя два основных географических компонента политической экономики Китая, и служил крайне необходимой магистралью для массовой транспортировки грузов и распространения влияния империи. Однако он тоже не был цельным единым сооружением – скорее это была череда умело спроектированных водных путей, соединяющих между собой протоки дельты Янцзы, а в других местах связывающих притоки этой реки с притоками Хуайхэ, в свою очередь связанными с блуждающей Хуанхэ. Но вся эта система практически никогда не была задействована одновременно. Реки имели переменное течение, поскольку сезон дождей на севере не совпадал с сезоном дождей на юге. Для перетаскивания тяжелых грузовых судов и обслуживания плотин требовалась колоссальная рабочая сила; углубление дна и техническое обслуживание каналов обходилось непомерно дорого. Наконец, общая работа системы требовала слишком частой реорганизации. Поэтому в наше время у Великого канала почти столько же заброшенных участков, сколько и у Великой стены³.

---

¹ . Waldron. The Great Wall. Passim.

² . Di Cosmo. Ancient China and Its Enemies. P. 143–158.

³ См., например: Pulleyblank. The Background to the Rebellion of An Lu-Shan. pp. 33, 128–129.

Еще больше противоречий вызывает Великий поход, эпос о героическом начинании коммунистов в 1934–1935 гг., который в наши дни называют совсем не таким долгим и не таким героическим, как было принято считать. Говорят, что размах и количество сопровождавших его битв и перестрелок преувеличены (или попросту выдуманы) в целях пропаганды, а из восьмидесяти тысяч солдат, выступивших в поход в Цзянси на юго-востоке, лишь восемь тысяч измерили пешим маршем горные хребты Китая до округа Яньань на северо-западе. Из оставшихся часть погибла, но большинство просто сбежало задолго до окончания пути длиной почти десять тысяч километров. Из тех же, кто продержался до конца, по крайней мере одному человеку редко приходилось идти пешком: самого Мао несли на носилках⁴.

В чуть более устойчивом положении пребывает большая панда, олицетворение (если можно так выразиться) видов, находящихся под угрозой исчезновения. В 1960-е и 1970-е гг. эти редкие животные, вместе с виртуозными мастерами игры в пинг-понг, стали неожиданно ценным инструментом в дипломатическом арсенале обложенной со всех сторон Китайской Народной Республики. Широко востребованные зоопарками всего мира панды, особенно самки, преподносились в дар достойным главам государств. Это был своего рода жест дружбы, и экспериментальное размножение панд поощрялось, словно его успех мог каким-то образом укрепить политический союз. Но теперь этой практике пришел конец. На основе редких упоминаний в классических текстах (например, в «Книге документов» – «Шу цзин», фрагменты которой предположительно датируются 2-м тысячелетием до н. э.)⁵ для панды была выведена родословная несомненной древности, и ей было присвоено имя на стандартном китайском – *Да сюн-мао*, или «Большой медведь-кошка». Повадки панды были сочтены достаточно безобидными, чтобы сделать ее универсальным символом мира. Благодаря ревностной заботе численность панд стабилизировалась и, пожалуй, даже выросла. А чтобы никому не пришло в голову вынашивать коварные замыслы относительно национального символа, вывоз большой панды был запрещен. Теперь все панды принадлежат Китаю. Иностранцы зоопарки могут арендовать их на срок до десяти лет, годовая арендная плата составляет около двух миллионов долларов США, а детеныши, родившиеся за это время, наследуют гражданство матери – и те же условия контракта. Большая панда, черно-белое изображение которой украшает логотипы самых разных брендов, сама стала франшизой.

Во всем этом нет ничего удивительного или достойного сожаления. Любая история рано или поздно подвергается пересмотру, а поскольку китайцы интересовались своей историей больше и дольше, чем представители любой другой цивилизации, их история менялась чаще, чем любая другая. Только за прошедшее столетие книги по истории пришлось переписывать как минимум четырежды – в интересах националистической мифологии, затем марксистской диалектики классово-борьбы, затем маоистских постулатов о динамике пролетарской революции и, наконец, тезиса рыночного социализма о совместимости авторитарного правления с накоплением богатств.

Широко распространенное утверждение, объявляющее современный Китай преемником «самой древней непрерывно существующей цивилизации в мире» (возрастом от трех до шести тысяч лет, в зависимости от достоверности публикации), ожидает такая же придирчивая проверка, как Великую стену или большую панду. И хотя сейчас это утверждение широко поддерживают сами китайцы, подобные притязания звучат не менее подозрительно, чем прочие обобщения. Возможно, под тремя или шестью тысячами лет непрерывно существующей цивилизации подразумевается всего лишь три или шесть тысяч лет цивилизации, которую другие народы находят неизменно непостижимой? Так или иначе, характер этой цивилизации, а также

⁴ . Jung Chang and Halliday. Mao. P. 135–173.

⁵ Другой вариант перевода – «Канон записей» (или «Шан шу» – «Чтимые записи»). Вероятнее всего, главы этого важнейшего текста китайской традиции были зафиксированы не раньше VIII–VII веков до н. э. на основе более древних, возможно в каком-то виде передававшихся изустно, литургических преданий. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. науч. ред.*

мотивы тех, кто отстаивает ее непрерывность, нуждаются в пристальном разборе. Настойчивые разговоры о преемственности кажутся особенно подозрительными в свете революционных потрясений минувшего века. И фрагменты Великой стены, и сохранившиеся участки Великого канала, и обрывочные исторические документы Китая по отдельности заслуживают ничуть не меньше внимания, чем составленное из них гордое целое.

Но в одном смысле непрерывность не вызывает сомнений: китайские ученые были одержимы прошлым своей страны практически с тех самых пор, как у нее появилось прошлое. Подобно многим другим народам, древние китайцы свято верили, что когда-то на их земле царил изначальное совершенство, доисторический Эдем, выраженный (в их случае) в добродетельной иерархии, где космические, природные и человеческие силы взаимодействовали друг с другом в гармонии и согласии. Чтобы направить человечество к новому воплощению идеализированного прошлого, следовало обращаться не к пророчествам, а к истории – в старинных текстах можно было отыскать и решение современных дилемм, и прогнозы на будущее. «Книга документов» и другие старинные компиляции приобрели канонический статус – их изучали и толковали так же внимательно и почтительно, как в других странах изучают Священное Писание и иные божественные откровения. Знакомство с классическими текстами было не только приметой учености, но и главным знаком принадлежности к китайской нации и мерилom культурного развития.

Кроме того, оно было необходимым условием для государственной службы. Прецедент и практика, заимствованные из старинных текстов, служили валютой в политических спорах. Правильно истолкованные исторические прецеденты могли подтвердить законность правления, санкционировать инициативу или предупредить об опасности. Но вдобавок ими можно было манипулировать, чтобы узаконить власть узурпатора, развернуть репрессии или препятствовать реформам. Образованные вельможи использовали их в качестве завуалированной критики: отсылки к прошлому позволяли отрицательно отозваться о текущей политике, не навлекая на себя гнев высокопоставленных особ, – или, наоборот, запутать дело и снять с себя ответственность.

В 1974 г. с целью дискредитировать Линь Бяо (военного, ранее считавшегося преемником Мао) руководство Коммунистической партии Китая развернуло кампанию против Конфуция, культурного колосса, тесно связанного со всей текстовой традицией. Что общего могло быть у мыслителя, жившего в V веке до н. э., и революционера XX столетия? Разумеется, «реакционные» настроения. Но поскольку реакционность Линь Бяо не сразу стала очевидной для политработников, привыкших воспевать его как самого прогрессивного из коммунистических лидеров, необходимо было выставить его на порицание вместе с философом, чьи доктрины после Культурной революции нельзя было считать ничем иным, кроме наглядного образчика реакционности. Принцип, заимствованный из баллистики и знакомый всем китаеведам, был прост: наводи на дальнюю цель, чтобы поразить ближнюю. Двойной лозунг официальной кампании «Против Линь Бяо – против Конфуция» вызвал предсказуемый выброс пара в кружках марксистов и отвлек внимание от довольно таинственной кончины и опалы злосчастного маршала Линя⁶.

В минувшем столетии, столь богатом на революции (националистическая, коммунистическая, культурная, рыночно-социалистическая), ревизионистам порой приходилось изрядно поторопиться, чтобы успеть за событиями. Впрочем, их затруднения не новы. Необходимость постоянно пересматривать, перерабатывать, заново интерпретировать и дополнять исторические хроники с незапамятных времен ложилась бременем на каждое следующее китайское правительство. В периоды смены династий это бремя становилось особенно тяжелым, но даже в золотую эпоху Тан (618–907) управление историей оценивалось с политической точки зре-

---

⁶ . Spence. The Search for Modern China. P. 602–603.

ния так же высоко, как сегодня управление экономикой. Историография была не отвлеченным научным времяпрепровождением, но жизненно важной функцией правительства. Глава управления историографии занимал в имперской бюрократии не последнее место, пользовался всеми льготами и привилегиями высокого положения и имел в подчинении обширный штат высококвалифицированных служащих, производивших обильную бумажную работу (до определенного времени «бумажную» в переносном смысле, поскольку самой древней разновидностью писчего материала были бамбуковые планки).

Анализ официальной историографии эпохи Тан показал, к каким кропотливым методам компиляции прибегало управление историографии, чтобы расширить исторические хроники, опираясь на близкие по времени источники⁷. На первом этапе материалы добывали из официальных судебных журналов и административных записей, дополняя их документами различных правительственных ведомств. Так возникла подборка официальных протоколов под названием «Ежедневный календарь»⁸. Затем из ежедневных календарей извлекали самое существенное и переносили в годичные достоверные отчеты⁹, на основании которых создавали государственную историю¹⁰ одного правления за другим, а те, в свою очередь, служили основой для утвержденной истории¹¹ каждой империи.

Разумеется, подобный накопительный подход подразумевал множество повторений, и хотя (пожалуй, и к лучшему) до нас дошла лишь часть этих материалов, утраченное можно в какой-то мере восстановить по цитатам из других мест. Учитывая возможность компилировать параллельную документацию властей многочисленных провинций, учитывая существование разного рода неофициальных текстов, а также тенденцию снабжать все эти материалы комментариями и ссылаться на них при составлении энциклопедий, антологий, биографических словарей и прочих внушительных компендиумов, никак нельзя утверждать, будто история Китая недостаточно документирована.

---

⁷ См.: Twitchett. The Writing of Official History. P. 17ff.

⁸ Так называемые *жилу*, первые сведения о которых относятся к IX веку н. э.

⁹ Вероятно, автор имеет в виду *шиллу* («правдивые записи»), которые начали составляться в VI веке н. э. Самые старые из сохранившихся *шиллу* относятся к IX веку н. э. Обычно *шиллу* составляли после конца правления монарха.

¹⁰ Возможно, автор подразумевает *хуэйяо* («собрание важнейшего»), первая из которых была составлена в начале IX века и описывала историю империи Тан от основания до времени составления труда.

¹¹ Имеются в виду *чжэньши* – официальные или династические истории. Они обычно писались после конца существования того или иного государства, чей правитель считался достойным претендовать на императорский трон, и утверждались правящим монархом. Существует 24 истории такого типа. Схема историописания, описанная автором, верна, но такой сложный, ступенчатый механизм функционировал далеко не всегда, а только в правление наиболее устойчивых и при этом заинтересованных в историописании империй Средневековья и Нового времени.

Черная работа

Следовательно, и нам не нужно извиняться за стремление подбросить в этот курган эрудиции еще одну лопату материала. Мы лишь пытаем надежду сделать историю Китая более доступной и вместе с тем более внятной и связной.

Подборки официальных и неофициальных документов почти целиком связаны с деятельностью правящей знати Китая и доступны нам лишь в той готовой отредактированной форме, которую им придала знать. Более захватывающая добыча, извлеченная непосредственно из китайского ландшафта и не затронутая научной переработкой, раньше ценилась на вес золота. В начале XX века, после того как европейские археологи наткнулись на занесенные песками древние буддийские святилища вдоль Шелкового пути в провинциях Ганьсу и Синьцзян, ученых охватила настоящая золотая лихорадка: музеи Британии, Франции, Германии и России¹² стремились заполучить свою долю из последней (как тогда предполагали) великой сокровищницы китайского искусства¹³. Но «золотая жила» на Шелковом пути оказалась лишь предвестницей подлинного археологического взрыва. Позднее, в XX веке, на свет были извлечены гадательные кости Аньяна, Таримские мумии, множество неолитических стоянок, сенсационная «терракотовая армия» и императорские гробницы эпохи Хань (202 г. до н. э. – 220 г. н. э.). История Китая, и без того достаточно долгая, с каждым годом становилась все длиннее. Существующие данные требуют постоянного обновления, а новые открытия стали теперь столь некстати изобильными, что за время, отделяющее раскопки от публикации их результатов, неоконченные труды, такие как эта книга, имеют риск безнадежно устареть.

«Начиная раскопки на просторах Великой Китайской равнины или на севере провинции Чжэцзян, где с древнейших времен располагались центры китайской цивилизации, – писал Эрик Цюрхер в 1950-х гг., – трудно хоть что-нибудь *не найти*»¹⁴. Работы Цюрхера посвящены распространению буддизма в IV–V веках. Приверженцы новой веры обладали поразительной способностью отыскивать в китайской земле буддийские реликвии, когда противники начинали критиковать иноземное (индийское, а не китайское) происхождение их религии. Такие находки не только гипотетически подтверждали длительность существования буддизма в Китае, но и считались в высшей степени благоприятными знаками. Если упадок императорской династии обычно сопровождался рядом дурных знамений (наводнение, засуха, нашествие саранчи и т. д.), то о возвышении новой династии сообщала череда благоприятных предзнаменований, из которых самым ценным считалась находка какого-нибудь стародавнего артефакта. Поскольку древность так высоко ценилась сама по себе, обнаружение, скажем, урны бронзового века явно означало благоволение Небес к той новой ветви правления, которая претендовала на ее открытие.

Не исключено, что подобные представления были по-прежнему сильны и влияли на работу китайских археологов даже в середине XX века. Национальное возрождение, возникшая в 1912 г. Китайская Республика и Китайская Народная Республика, начавшая существование в 1949 г., требовали исторической легитимации. Ученые и чиновники, выросшие на классических историях и подогреваемые духом национального возрождения, знали, что искать истоки китайской цивилизации следует на севере страны. Все ресурсы были направлены туда, и, как справедливо заметил Цюрхер, работа археологов в этом регионе вряд ли могла остаться неознагражденной. К всеобщему удовольствию, раскопки действительно позволили получить

¹² К списку стоит добавить Японию.

¹³ Находки в Восточном Туркестане относятся далеко не только (и даже не столько) к сокровищам китайской культуры, сколько к наследию других культур этого региона, тесно связанных как с Китаем, так и с Индией, Тибетом и Центральной Азией. До указанных находок про эти богатые и самобытные культуры не было известно практически ничего.

¹⁴ . *Zürcher*. The Buddhist Conquest of China. P. 280.

обширные доказательства существования и древности китайской цивилизации в северных провинциях, особенно в бассейне реки Хуанхэ, что совпадало с данными древнейших текстов и исторических хроник. И только завзятые скептики, в основном живущие за пределами Китая, задавались вопросом: если бы столько же внимания и ресурсов было уделено другим областям, например бассейну Янцзы или югу, разве это не принесло бы сопоставимых по ценности находок, способных уравновесить «перекосяк к северу» в древнекитайской истории?

Время доказало справедливость этих сомнений. К концу XX века расширение археологической деятельности шло рука об руку со стремительным ростом экономики. Появились финансовые возможности для проведения широкомасштабных раскопок, и поскольку во многих областях шли обширные земляные и строительные работы, археологические находки посыпались как из рога изобилия. Но еще острее стал вопрос изучения и сохранения найденных материалов. Механический экскаватор мог в считанные минуты поднять из земли то, что археологи с лопатами искали годами – но с такой же скоростью он мог уничтожить находку.

Типичный случай произошел в ходе расширения больницы в г. Мавандуе на окраине Чаншя, столицы южной провинции Хунань. Строительство нового крыла больницы «случайно потревожило» соседний курган, на который археологи обратили внимание еще в 1950-е гг.¹⁵. Дело было доведено до сведения властей провинции, и, получив приказ о немедленном проведении раскопок, группа археологов во френчах «как у Мао» спустилась на место и обнаружила там одну из величайших сокровищниц современности. Были найдены три огромные гробницы, датированные II веком до н. э. В каждой из них находилось несколько вложенных друг в друга монументальных саркофагов – в одном оказалось хорошо сохранившееся женское тело и самые древние в Китае карты и образцы живописи на шелке. Были открыты тексты – ранние версии произведений китайской классики – и множество артефактов, одеяний, символов власти, лаковых изделий и изделий из нефрита, оружия и погребального инвентаря, которых оказалось достаточно, чтобы оправдать постройку в Чанша грандиозного нового музея и наполнить его экспонатами. В 1983 г. еще в одном кургане, на этот раз в центре Гуанчжоу (Кантон), столицы соседней провинции Гуандун, были найдены великолепные гробницы того же периода, что спровоцировало превращение археологической площадки в своеобразный музей в нескольких минутах ходьбы от городского железнодорожного вокзала. В Гуанчжоу в ходе расчистки площадки для строительства торгового центра недавно были обнаружены самые старые в мире деревянные шлюзы возрастом две тысячи лет. Сейчас они комфортно вписаны в сверкающую архитектуру торгового центра – их можно осмотреть, спустившись на лифте на этаж В 1.

Многочисленные находки вдали от предполагаемого центра древнекитайской цивилизации в бассейне реки Хуанхэ призывают к радикальной переоценке сложившихся представлений об облике Китая на рубеже нашей эры. Но хотя сообщения о новых открытиях поступают еженедельно, подобной смелой переоценки пока еще сделано не было. «Кембриджская история Древнего Китая», опубликованная в 1999 г., открыто признала свое поражение. Не имея возможности увязать литературные источники с новыми материальными источниками (или найти автора, готового этим заниматься), редакторы пошли на компромисс и представили некоторые периоды параллельными главами, одна из которых опирается на письменные источники, а другая – на археологические находки. Иногда они согласуются друг с другом, иногда нет. Древняя история Китая пока еще ждет того, кто сможет ее убедительно переписать.

---

¹⁵ Hunan Museum. The Han Tombs of Mawangdui. Hunan People's Publishing House, Changsha, 1978. P. 1–3; *Chen Jianming* (ed.). The Exhibition of Mawangdui Han Tombs, Hunan Provincial Museum, n. d. P. 2.

Колыбель, основа и все остальное

Наша книга вносит в решение этой задачи лишь скромный вклад, поскольку она предназначена для удовлетворения гораздо более насущной потребности – представить читателю обзор истории Китая, для понимания которого не требуется предварительное знакомство с темой или знание китайского языка. Имеющаяся литература на английском языке заставляет заподозрить существование международного сговора (если не сказать – заговора), цель которого – сделать этот предмет как можно более сложным и непонятным. Отчасти это обусловлено научной конкуренцией колониальной эпохи, и мы еще поговорим о ней отдельно; история Китая достаточно длинна, а культура и без того достаточно сложна. Возможно, от читателей это потребует некоторого напряжения, но я искренне надеюсь, что в итоге их усилия будут вознаграждены сполна.

Не менее прискорбны, чем научная путаница, и те бездны невежества, из глубин которых иностранцы пытаются судить об истории Китая. Многие могут перечислить с полдюжины римских императоров, но мало кто способен назвать хотя бы одного китайского монарха. Столкнувшись с чередой китайских имен собственных, записанных латиницей, носители индоевропейских языков испытывают нечто вроде избирательной дислексии: все эти имена кажутся им совершенно одинаковыми. Разумеется, в основе проблемы лежит чужеродность китайских наименований, особенно когда речь заходит об общепринятых вариантах перевода географических и хронологических терминов. Преодолеть проблему помогает прилежание и длительное приобщение к предмету, и, рискуя вызвать недовольство у тех, кто уже оставил эти трудности позади, мы далее приводим полезные вводные данные (в сопровождении таблиц).

С административной точки зрения современный Китай делится на двадцать восемь провинций¹⁶. Некоторые из них возникли относительно недавно, но так или иначе занимаемые ими области претерпели определенные изменения. Однако большинство из них имеют долгую историю, поэтому имеет смысл использовать провинциальную терминологию ретроспективно, чтобы обеспечить китайскую историю географическими рамками на всем ее протяжении.

К счастью, в названиях провинций нередко содержатся полезные подсказки относительно их местоположения. *Бэй*, *дун*, *нань* и *си* по-китайски значит «север», «восток», «юг» и «запад», а *шань* переводится как «гора». Таким образом, название Шаньдун («Гора-восток») носит провинция к югу от Пекина, занимающая часть материка и полуостров с изрезанной береговой линией. Первоначально она уходила в глубь материка до растянувшегося с севера на юг горного хребта Тайханшань – отсюда название «к востоку от горы», или «Гора-восток». Согласно той же логике, название Шаньси («Гора-запад») носит провинция, аналогичным образом расположенная к западу от хребта Тайханшань.

Западнее Шаньси находится провинция с очень похожим названием – Шэньси (в нем отражено положение к западу от района под названием Шэньчжоу). Все три провинции примыкают или когда-то примыкали к блуждающей реке Хуанхэ¹⁷. То же касается вклинившейся между Шаньдуном и Шаньси провинции Хэбэй («Река-север», где под рекой по-прежнему подразумевается Хуанхэ). Разумеется, провинция, расположенная к югу от реки, носит название Хэнань («Река-юг»), хотя из-за того, что река так часто меняла курс, небольшая часть Хэнани теперь находится на северном берегу. Эти пять северных провинций (Хэнань, Хэбэй, Шэньси,

¹⁶ Вернее, на двадцать три провинции (если считать вместе с Тайванем), пять автономных районов, четыре города центрального подчинения и два специальных административных района. Автор объединяет провинции с автономными районами и исключает города центрального подчинения (Пекин, Чунцин, Шанхай и Тяньцзинь) и специальные административные районы (Гонконг / Сянган и Макао / Аомынь).

¹⁷ Хуанхэ, несущая свои крайне богатые илом воды по плоской равнине, зарекомендовала себя как река, крайне склонная к изменению русла.

Шаньси и Шаньдун) занимают всю территорию плодородной пойменной долины нижнего бассейна Хуанхэ, где, согласно письменной традиции, разворачивались главные события древнейшей истории Китая. Эти провинции традиционно считались колыбелью китайской цивилизации и находились в центре внимания археологов с середины XX века.

К югу от Хэнани расположена еще одна пара провинций-близнецов. В случае Хубэя и Хунани *Ху* обозначает великое «озеро» или «озёра», в которые Янцзы разливается перед тем, как выйти на побережье. Таким образом, эти две провинции лежат соответственно к северу и к югу от великих озер, то есть, грубо говоря, к северу и к югу от самой Янцзы. Далее на юг, замыкая стержень сердцевины Китая, идут Гуандун и Гуанси. *Гуан* означает что-то вроде «расширенная (южная) территория». Эти две «расширенные» провинции на крайнем юге лежат соответственно на востоке (*-дун*) и на западе (*-си*) друг от друга. За ними в Южно-Китайском море находится островная провинция Хайнань (*букв.* «к югу от моря») – самая южная часть страны.

Возвращаясь через побережье на север к полуострову Шаньдун, мы видим провинции Фуцзянь, Чжэцзян и Цзянсу, а также соседние Цзянси и Аньхой – они меньше, и их названия не так явно связаны со сторонами света. В некоторых названиях есть отсылки к направлению, но большинство образованы путем объединения названий двух и более важных центров. Так, название Фуцзянь объединяет в себе портовую столицу *Фуцжюу* и *Цзяньнин*, город у внутренней границы Фуцзяни¹⁸. Между прочим, окончание – *чжюу* когда-то обозначало «островок», условно заселенный «китайцами», на территории неосвоенной области, затем один из районов такого поселения, а теперь чаще всего главный город региона. И наконец, очевидно, что название города Пекин (Бэйцзин), мегаполиса центрального подчинения в провинции Хэбэй, переводится как «северная столица», а Нанкин (Наньцзин) на реке Янцзы в провинции Цзянсу – как «южная столица», каковой она и была до 1937 г.¹⁹.

Все провинции, упомянутые до этого, а также провинцию Гуйчжоу на юго-западе и обширную Сычуань, занимающую большую часть верхнего бассейна Янцзы, иногда называют центральной, внутренней или «основной» областью Китая. Впрочем, термины «центральная» и «внутренняя» довольно противоречивы, поскольку никакие различия между центром и периферией, или внутренним и внешним Китаем, нельзя считать физически убедительными, исторически последовательными или политически обоснованными. Однако эта формулировка может оказаться полезной, если мы хотим отделить семнадцать плодородных, густонаселенных и давно интегрированных «основных» провинций, о которых говорилось выше, от традиционно менее плодородных, менее населенных и менее исторически интегрированных провинций, лежащих ближе к границам современного Китая²⁰.

В эту последнюю категорию входят остальные одиннадцать провинций, многие из которых представляют собой обширные территории с резкими природными контрастами и непростой репутацией. Тайвань, длинный остров у побережья Фуцзяни, когда-то был известен европейцам под названием «Формоза». Впоследствии он был отчужден от Китая в ходе японской оккупации в первой половине XX века и националистической оккупации во второй половине XX века²¹. Расположенная на юго-западе провинция Юньнань, удаленная от Тайваня примерно

¹⁸ Происхождение всех местных топонимов см.: *Wilkinson. Chinese History: A Manual. P. 137.*

¹⁹ Нанкин был столицей империи Мин с 1368 до 1421 г., а затем, с 1927 до 1937 и с 1946 до 1949 г., – столицей Китайской Республики. Более того, с 1940 по 1945 г. город был столицей прояпонского режима Ван Цзинвэя, претендовавшего на место единственного легитимного правительства Китая.

²⁰ Основным критерием при разделении «внутренних» и «внешних» провинций, конечно, необходимо считать не их населенность или плодородие, а время вхождения в состав китайского государства, и, соответственно, удельную важность неких китайских элементов в культуре населения той или иной провинции.

²¹ Японскую оккупацию, длившуюся более полувека (которой остров обязан высоким уровнем развития инфраструктуры), далеко не все согласны отождествлять с последовавшим за ней периодом восстановления китайской власти Гоминьдана, пусть зачастую и довольно репрессивной.

так же, как Техас от Флориды, тоже всегда имела непростые отношения с остальной страной. Эта провинция оседлала климатическую границу между тропической Юго-Восточной и засушливой Центральной Азией – в ее лесах встречаются слоны, а на высоких перевалах фыркают яки.

Дальше на северо-запад открываются бескрайние пустоши под лазурным небом – Цинхай и Сицзан, вместе занимающие обширную область горного плато и за пределами Китая некогда известные как Тибет. Сегодня слово «Тибет», как правило, ассоциируется только с Тибетским автономным районом. К северу и снова на запад остается Синьцзян – самая большая и самая отдаленная из всех китайских провинций, по большей части пустынная, хотя далеко не пустующая. Китайцы когда-то называли ее «западными регионами», а жители других стран – Восточным или Китайским Туркестаном. Нынешнее название переводится просто как «новые территории» (*Синь-цзян*), но местные активисты (в основном тюркоязычные уйгуры-мусульмане) предпочитают название «Уйгуристан».

Возвращаясь на восток вдоль северной границы Китая, мы видим вытянутую провинцию Ганьсу и крошечную Нинся²² – усыпанные оазисами маршруты, ведущие из «основных» провинций соответственно в Синьцзян и Монголию. Зажатый между болотами Цинхая²³ и песками Гоби, ведущий с востока на запад «коридор Ганьсу» стал в китайской историографии таким же клише, как «Тибетское плато». Нинся, ориентированная по оси с севера на юг, идет вдоль верхнего течения реки Хуанхэ и вдаётся в соседнюю провинцию Внутренняя Монголия²⁴. Внешняя, или северная, Монголия не является частью сегодняшнего Китая; ее граница длинной дугой делит пополам пустыню Гоби с востока на запад, оставляя за Китаем все земли к югу. Пески и степи Внутренней Монголии, таким образом, исполняют роль естественных укреплений оборонительной «длинной стены», вошедшей в Великую китайскую стену. Северная граница Внутренней Монголии – самая длинная международная граница Китая, а ее южная граница проходит вдоль восьми китайских провинций – Ганьсу, Нинся, Шэньси, Шаньси, Хэбэй и трех провинций бывшей Маньчжурии.

Эти последние, в северо-восточном углу, который раньше назывался Маньчжурией (или по-японски Маньчжоу-го²⁵), названы в честь рек. Название самой северной провинции, Хэйлунцзян, совпадает с китайским названием реки Амур, вдоль которой проходит российско-китайская граница. Название расположенной южнее провинции Цзилинь происходит от маньчжурского слова «вдоль (реки Сунгари)»²⁶. Она граничит с Северной Кореей. Ляонин к юго-западу названа в честь реки Ляохэ, она примыкает к провинции Хэбэй и на 300 километров удалена от Пекина. На юг через залив Бохайвань Ляонин обращена к полуострову провинции Шаньдун.

На этом заканчивается кольцо из одиннадцати периферийных провинций, внутри которого лежат семнадцать центральных провинций, из которых пять самых северных составляют область «колыбели». Завершают административную мозаику различные мелкие образования, такие как городские округа Пекин и Шанхай²⁷, и обладающие особым статусом анклавы Гонконг и Макао. Кроме них следует упомянуть многочисленные автономные образования – обла-

²² Нинся «крошечная» по китайским меркам – по площади (66 400 кв. км.) она чуть меньше Грузии, а по населению (6,5 млн чел.) – больше Ливии и лишь немного уступает Болгарии.

²³ Цинхай (*тиб.* Амдо) известен не только болотами, но и огромным эпонимным соленым озером Кукунор (*кит.* Цинхай) и суровыми высокогорьями, характерными для Тибетского плато, северной частью которого является этот регион.

²⁴ Формально Тибет, Синьцзян, Нинся, Гуанси и Внутренняя Монголия – не провинции, а автономные районы.

²⁵ Так принято называть зависимое от Японии государство, созданное в 1932 г. и уничтоженное в 1945 г. Это редкий случай буквальной фонетической передачи китайского (а не японского) топонима «Маньчжурия».

²⁶ Маньчжурское «Гирин ула» переводится как «вдоль реки»: под рекой подразумевается Сунгари. Китайское название Цзилинь (*букв.* «Благовещий лес») является фонетической калькой первой половины маньчжурского слова.

²⁷ К ним стоит добавить Тяньцзинь – «морские ворота» Пекина, а также Чунцин к востоку от Сычуани.

сти этнических меньшинств: автономные округа в составе провинций либо автономные области, включающие в себя провинцию целиком, как Тибет.

Мы допускаем, что существует более научнообразный подход к изучению географии Китая. На континентальной массе суши размером примерно с Соединенные Штаты Америки и расположенной примерно на той же широте (Тропик Рака, касающийся Флорида-Кис, как раз проходит около Южного Китая) можно найти немало похожих природных условий. Благодаря большой разнице крайних значений температур и высот здесь встречаются и засушливые, и тропические регионы, болотистые почвы сменяются песчаными дюнами и степями, а пышная растительность уступает место ее полному отсутствию.

Что касается системы расселения, лучше всего разобраться в ней поможет карта рек и гор, хотя на территории Китая вы не найдете аккуратного чередования прерий, пустынь, гор и прибрежных районов, как в Северной Америке. Большинство рек Китая устремлены с запада на восток, от сухих возвышенностей Цинхая и Тибета к влажным равнинам на побережье. Между Хуанхэ на севере и Янцзы в центре страны есть еще две реки – Ханьхэ, главный приток последней, и Хуайхэ, на некоторых участках объединяющаяся с первой, которые соблюдают ту же тенденцию. Так же ведут себя и реки южнее Янцзы, которые собираются в Гуанси и Гуандуне, чтобы сформировать устье реки Чжуцзян, близ которой расположен Гонконг. Все эти реки, однако, текут в нужном направлении самым причудливым образом. Янцзы, спускаясь с природных твердынь Тибета, поворачивает зигзагами на юг в сторону Вьетнама, а затем обратно на север в Сычуань; Хуанхэ выполняет нечто вроде сальто-мортале, изгибаясь дугой в сторону Монголии и обратно.

За всю эту акробатику отвечают горы. Многократно запечатленные на фотографиях карстовые образования на юге, гигантские Гималаи, суровый Памир и скромный Тянь-Шань, а также многочисленные не столь знаменитые горные хребты пересекают обширные области страны и вносят радикальные поправки в утверждение, будто все реки в конечном итоге спокойно соединяются на покрытых бурной растительностью прибрежных равнинах. За некоторыми исключениями (например, дельта Янцзы), прибрежные районы Китая на самом деле довольно неровные. То же касается и южных провинций. Наоборот, в Сычуани, окруженной собственными горами, глубоко внутри страны над обрывами Янцзы, находятся самые плодородные равнины Китая и проживает самое многочисленное на сегодняшний день население.

Династическая динамика

Если к исторической географии Китая можно найти множество подходов, то в отношении хронологии таких возможностей не существует. Течение времени и протяженность пространства были внимательно изучены и педантично упорядочены уже в Древнем Китае. В истории Индии до IX века н. э. едва ли найдется хоть одна бесспорная дата²⁸, зато история Китая пестрит датами, которые легко можно проверить по календарю затмений, вплоть до IX века до н. э.; при этом указан может быть не только год, но и месяц, день, а иногда даже час²⁹. Согласование часов и календарей с суточными, планетарными и астральными циклами было необходимым условием космической гармонии, а потому представляло собой главную заботу всех китайских правителей. История в буквальном смысле показывала время: годы царствования отсчитывали минуты, династии отбивали часы. Поэтому при анализе многотысячелетней китайской истории предпочтение неизменно отдавали периодизации, опирающейся на последовательность династий.

Основать династию, правители которой будут принимать власть по праву рождения и позаботятся о гробницах и репутации основателя и его преемников, стремился каждый потенциальный властитель, даже если он был самозванцем, узурпатором или иноземным захватчиком. На императорское звание нередко претендовали даже мятежные крестьяне. В китайской истории насчитывается больше сотни самопровозглашенных императорских династий³⁰. Но в действительности реализовать свои амбиции, хотя бы отчасти или на время, смогли лишь десятки, и немногие из них удостоились благосклонности историков и были включены в «законную» последовательность правителей Китая.

Единых критериев включения в эту августейшую компанию не существовало. До 221 г. до н. э. династии состояли из царей³¹ и только после этого из императоров. Ни одна из царских и императорских династий не пользовалась неоспоримым авторитетом. Даже некоторые «законные» императорские династии контролировали лишь половину (или меньше) территории, в то время считавшейся Китаем. Поэтому их правление может совпадать по времени с правлением еще одной «законной» династии в другой части страны³². Тем не менее наличие единой «законной» империи в любой момент времени было общим правилом, и если просуществовавшие достаточно долго и правившие обширными территориями династии, предпочтительно благородного коренного происхождения, могли рассчитывать на включение в «законную» преемственность, недолговечным локальным государствам иностранного или просто незавидного происхождения оставалось об этом только мечтать³³.

---

²⁸ Время пребывания в Индии Александра Македонского хорошо известно – с 327 по 325 г. до н. э.; достаточно надежно реконструирована и хронология династии Гуптов.

²⁹ Обилие дат далеко не всегда говорит о точности знаний – часто даже наоборот. К сожалению, большинство дат, содержащихся в древнекитайских летописях, верификации не поддаются.

³⁰ Стоит указать, что многие «династии» могли состоять из одного правителя, бывшего и первым, и последним их представителем.

³¹ Царями (ванами) правители древнекитайских княжеств стали именовать себя довольно поздно, не ранее IV века до н. э., до этого титул царя мог носить лишь один правитель – Сын Неба, чжоуский ван, а его вассалы носили разные княжеские титулы низшего ранга.

³² Важным аспектом этой сложной системы было то, что зачастую «законность» притязаний того или иного правителя на императорский трон определялась только постфактум – в бурные времена на территории Восточной Азии могла одновременно править дюжина «императоров», каждый из которых полагал себя единственным законным Сыном Неба, а остальных – жалкими самозванцами.

³³ Из этого правила есть много исключений. Например, в X веке последовательно правили три государства – Поздняя Тан, Поздняя Цзинь и Поздняя Хань, каждое из которых правило всего несколько лет, контролировало не слишком большую часть Северного Китая, и, более того, правители их были тюрками-шато. Тем не менее именно эти малореспектабельные правители были признаны единственными законными «императорами» того времени, несмотря на наличие современных им

Последовательность из двадцати или около того «законных» династий, не говоря уже о доброй сотне отдельных правителей, из которых они складываются, – все еще слишком большой и неудобный для усвоения кусок материала. Дело усугубляется тем, что иногда одни государства принимали имя других, славу которых, по их собственному утверждению, они стремились возродить³⁴. В таких случаях к названию династии обычно добавляется географическая или хронологическая подсказка: *Восточная Чжоу*, *Северная Вэй* и т. д.; *Ранняя Хань*, также известная как *Западная Хань*, и *Поздняя Хань*, также известная как *Восточная Хань*.

К счастью, некоторые государства добивались определенной устойчивости: они сохраняли свои позиции по сто и более лет и успевали прославиться объединением земель, военными походами, политической стабильностью, культурными достижениями и роскошью. Пять самых продолжительных империй (каждая из них существовала три-четыре столетия) составляют великое плато китайской истории, и их стоит запомнить. Для этого могут пригодиться отсылки к империям, существовавшим в это же время в других странах.

ХАНЬ (Ранняя и Поздняя), 202 г. до н. э. – 220 г. н. э., существовала во времена Римской республики и ранней Римской империи.

ТАН, 618–907 гг., существовала во времена расширения Арабского халифата.

СУН (Северная и Южная), 960–1279 гг., существовала во времена Крестовых походов³⁵.

МИН, 1368–1644 гг., существовала во времена ранней Османской империи и империи Великих Моголов.

ЦИН (или Маньчжурская империя), 1644–1912 гг., существовала во времена европейской глобальной экспансии.

Кроме того, мы познакомимся со многими другими примечательными государствами. По иронии судьбы та из них, которой удалось почти вплотную подойти к воплощению хвастливого лозунга китайских императоров, якобы правивших «всей Поднебесной», была вовсе не китайской, а монгольской. Это была империя Юань (1279–1368), при одном из правителей которой нашел работу венецианец Марко Поло.

Некоторые государства просуществовали одно-два десятилетия и едва ли заслуживают упоминания. Другие, хотя и недолговечные, кардинально изменили ход китайской истории. Такой была империя Цинь (221–206 гг. до н. э.). Ее основатель первым установил хрупкое единство во всей «сердцевине» Китая и первым принял титул *хуанди* – императора³⁶. По сути, в историю он вошел под этим титулом – *Цинь Ши-хуанди*, то есть Первый император Цинь. Словно две почти одинаковые подставки для книг, на обоих концах хронологической полки стоят Цинь, первая и одна из самых коротких империй, и Цин, последняя и одна из самых долгих.

Если бы все остальные императоры последовали превосходному примеру Цинь Ши-хуанди и тоже правили под своим царственным номером – Первый, Второй, Третий и т. д., – немалой путаницы можно было бы избежать. К сожалению, этот обычай не прижился. Хотя императоры и цари, носящие одинаковые имена, встречаются в Китае довольно часто, их никогда не различают по номерам, как французских Людовиков или английских Георгов. Не существует и общего правила относительно того, какое из имен императора в итоге останется в

более сильных китайских государств.

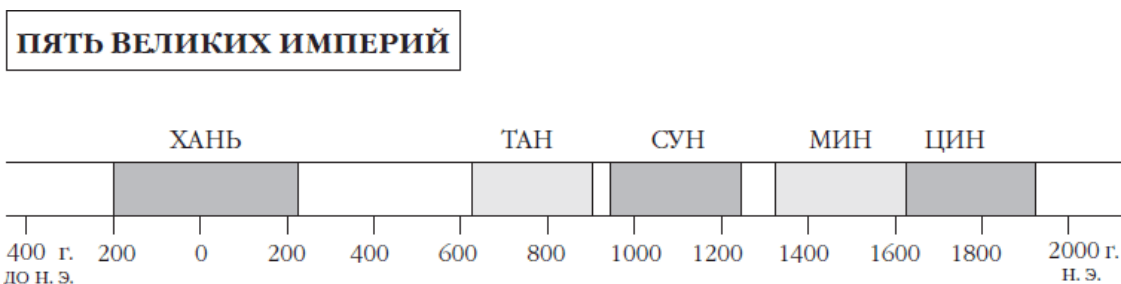
³⁴ Нередко наименования государств также были связаны с наименованием областей, из которых началось восхождение к власти их правящего дома.

³⁵ Крестовые походы начались в конце XI века. Возникновение империи Сун почти совпало с провозглашением Священной Римской империи германской нации Оттоном I в 962 г.

³⁶ Этот титул, в дальнейшем ставший привычным обозначением императора, во времена его создания явно отсылал к божественной сфере и означал что-то вроде «августейший божественный правитель-первопредок».

истории. Личные имена явно считаются слишком личными³⁷, поэтому выбирать приходится из различных благоприятных титулов, которые император получал в течение жизни и после смерти. В одних династиях императоров принято обозначать храмовыми именами, в других предпочитают посмертные имена³⁸, а в империях Мин и Цин на императоров распространяются названия (девизы) разных периодов правления. Это объясняет мнимую аномалию цинского императора, который правил невероятно долго (1735–1795) и носил храмовое имя Гао-цзун, а в историю вошел как «император Цяньлун», то есть «император *периода* Цяньлун» (называть его просто «император Цяньлун» все равно что называть Мао Цзэдуна «Председатель Большой скачок»).

В этой книге мы для удобства будем называть императоров теми именами, которые получили самую широкую известность. Кроме того, исключительно в виде напоминания перед именем каждого из них будет курсивом обозначена династия, к которой он принадлежал, – например, «*Сунский* Жэнь-цзун» или «император *Цин* Цяньлун».

³⁷ Это одно из многих наследий, полученных современным китаеведением от традиционного: старые авторы не считали возможным именовать правителей их личным именем, которое было настолько строго запрещено к использованию при их жизни, что даже входившие в него знаки были табуированы.

³⁸ Храмовые имена также выбирались посмертно.

Триумф пиньиня

К сожалению, лишь немногие из этих имен покажутся знакомыми людям, уже читавшим работы по истории Китая на английском языке. Из всех вариантов передачи китайских иероглифов³⁹ латиницей за последние тридцать лет изменилось около 75 %, часто почти до неузнаваемости⁴⁰. В конечном итоге это перемены к лучшему, хотя в настоящее время они создают немало проблем и путаницы.

Раньше китайские слова транскрибировали на английский с помощью системы Уэйда – Джайлса, названной в честь двух ее создателей, живших в XIX веке. Систему Уэйда – Джайлса вряд ли можно назвать простой и ясной – кроме букв в ней было множество диакритических знаков (дефисов, одиночных кавычек и пр.). Что еще хуже, она была далеко не универсальной. В США была распространена другая система, а в других европейских языках существовали собственные системы. Сказать, что языковедение мало чем могло помочь человеку, решившему изучать Китай, было бы преуменьшением. Стандартизация стала насущной необходимостью.

Но поскольку китайская система письма не относится к алфавитным, то есть слова в ней не складываются из отдельных букв, соотношение ее с существующими алфавитными системами всегда вызывало затруднения. И если арабскую вязь можно воспроизвести по буквам с помощью латинского алфавита, не уделяя особого внимания тонкостям произношения, то безбуквенное китайское письмо можно записать латиницей, только подобрав для каждого отдельного слова похожий набор звуков, то есть ориентируясь на произношение слова, а не на знаки, которыми оно записано. И это создает дополнительные проблемы. С помощью латиницы невозможно обозначить пять тонов, существующих в китайском языке. Многие китайские слова, которые выглядят по-разному, когда их пишут китайскими иероглифами, читаются одинаково, когда их звучание пытаются передать на английском. Например, имена двух императоров Тан на китайском пишутся совершенно не похожими иероглифами, но в латинской транскрипции оба носят одно и то же имя – Сюань-цзун.

Хуже того, китайские иероглифы в разных областях Китая произносятся по-разному. Все грамотные китайцы умеют читать иероглифы, и на всей территории страны принята единая система письма. Но жители разных регионов читают написанные иероглифы вслух согласно собственному местному или региональному диалекту. Поэтому незнакомцы в поезде вполне могут читать одну газету, но не могут обсудить ее друг с другом. Иностранцы, в основном европейцы, в большом количестве начавшие прибывать на побережье Китая в конце XVI века, обнаружили, что разговорный китайский намного проще, чем письменный. Недавно авторитетный источник установил, что англоговорящим студентам научиться говорить по-китайски на 20 % сложнее, чем научиться говорить по-французски, а освоить навык чтения и письма на китайском в пять раз сложнее, чем читать и писать по-французски. Иностранцы, вооруженные быстро освоенным разговорным китайским, энергично приступили к переложению письменных иероглифов на свои языки, опираясь на китайское произношение, с которым они успели познакомиться. Увы, проблема заключалась в том, что это произношение было распространено только в провинциях Гуандун и Фуцзянь, которыми в те времена были ограничены все контакты с иностранцами. Там говорили на кантонском диалекте (Кантон = Гуанчжоу, столица провинции Гуандун) и хакка и хокло, языках жителей провинции Фуцзянь. Остальные

---

³⁹ Термин «иероглиф», утвердившийся в русскоязычной литературе для обозначения знаков китайского письма, не слишком удачен, поскольку неинформативен (буквально переводится как «священные письмена») и создан греками для обозначения египетского письма. Точнее термин «фоноидеограмма» – знак, передающий звучание и смысл слова.

⁴⁰ Русская транскрипция Палладия (не лишенная недостатков, но в целом довольно удачная), к счастью, сохранилась, и отмеченного автором разнообразия в русскоязычной литературе нет.

китайцы, проживавшие в бассейне Янцзы и на севере, с трудом разбирали эту речь, потому что в основном пользовались так называемым мандаринским диалектом⁴¹. Вполне естественно, что северяне возмутились, обнаружив, что даже их географические названия неверно переведены и ошибочно произносятся.

Вдобавок было еще одно осложнение. Иностранцы, о которых идет речь, прибывали из Португалии, Испании и Италии, затем из Голландии, Англии, Франции, Америки и России. В каждом из этих языков определенные гласные и согласные читаются иначе. Например, «J» по-испански произносится одним образом, по-французски другим, а по-английски третьим⁴². Любое переложение китайской речи должно было принимать во внимание эту разницу – отсюда и разнообразие систем латинизации с учетом особенностей отдельных европейских языков, отсюда и абсурдность попыток создать систему транскрипции китайских иероглифов, в действительности представлявшую собой попытки воспроизвести на английском, французском, испанском и т. д. китайский региональный говор, бывший в ходу лишь у провинциального меньшинства китайской нации⁴³.

Чтобы стандартизировать воспроизведение звучания китайских иероглифов во всех алфавитных языках и покончить с этим хаосом, в 1950-е гг. была разработана еще одна система. Это был пиньинь. Китай в то время во многом зависел от технической помощи Советского Союза, и к этой задаче были привлечены русские ученые. Первоначально рассматривалась возможность положить в основу пиньиня не латинский, а русский кириллический алфавит, но с конца 1950-х пиньинь перешел на латиницу⁴⁴. И только после активного продвижения и вступления Китайской Народной Республики (КНР) в ООН в 1971 г. он завоевал международное признание. В 1980-е гг. пиньинь стал общепринятым, а в 1990-е его использовали в большинстве иностранных работ, посвященных Китаю (хотя далеко не во всех). По всему Китаю пиньинь преподавали и демонстрировали, пусть и с оглядкой, наряду с традиционными китайскими иероглифами, и вполне вероятно, в один прекрасный день он сможет полностью их вытеснить⁴⁵.

Впрочем, пиньинь тоже не идеален. Очевидно, отвечавшие за изобретение пиньиня марксисты спроецировали свои убеждения о равенстве возможностей на клавиатуру, поэтому главные роли достались клавишам «q», «x», «u» и «z», которые крайне редко используются в западных языках. Что еще хуже, тонкости китайских иероглифов, на которые в системе Уэйда – Джайлса намекала россыпь диакритических и пунктуационных знаков, оказались в значительной степени утраченными, тональные знаки существуют, но используются крайне редко, и количество совершенно разных китайских слов, выраженных одним и тем же словом на пиньине, все увеличивается. Что касается произношения, то, пытаясь быть похожим одновременно на все национальные нормы произношения, пиньинь в конечном счете не похож ни на одну из них. Согласно официальной версии, пиньинь указывает, как слово должно звучать в «общей речи» жителей Народной Республики (путунхуа). В действительности путун-

⁴¹ «Диалекты» китайского языка делятся на семь (в других классификациях – до 14) групп, и разница между этими группами обычно больше, чем между разными языками иных языковых семейств – например индоевропейской, и они обычно не допускают устного взаимопонимания. Поэтому, в сущности, во многих случаях правильнее говорить о языках, а не о диалектах.

⁴² То есть [x], [ж] и [дж] соответственно. – *Прим. ред.*

⁴³ Весь китайский язык до недавнего времени состоял из таких «провинциальных меньшинств» из-за отсутствия официального государственного языка или даже какого-либо диалекта, на котором говорило бы большинство населения.

⁴⁴ Советские ученые с начала 1930-х гг. принимали активное участие в создании письменности для китайского языка (языков) на базе латинского алфавита. Кириллическая письменность была создана для дунган (хуэй) – живших на территории СССР китайских мусульман.

⁴⁵ Переход китайских языков-диалектов на латиницу (а не только на пиньинь, более-менее подходящий для северных диалектов) возможен при отказе от концепции единого китайского языка и единого китайского государства. В сущности, именно это соображение привело китайское руководство к отказу от претворения в жизнь проектов латинизации.

хуа, представляющий собой приблизительную упрощенную версию пекинского и нескольких северо-восточных диалектов, выбранных в качестве основы для государственного языка, употребляется в основном на севере. В других областях Китая пиньиньское произношение может сослужить в разговоре не лучшую службу. И даже на севере приезжому не мешало бы заранее выяснить, как на самом деле произносятся все эти «q», «x» и «z», прежде чем пробовать объясниться с кондуктором в пекинском автобусе.

Вопрос масштаба

Чарльз Патрик Фицджеральд, допиньиньский автор ряда англоязычных работ по истории Китая, емко сформулировал предостережение, касающееся, впрочем, многих других традиций. Он отметил, что историки, составлявшие летописи правления китайских империй, «неутомимо собирая и записывая факты, организовали этот богатейший материал таким образом, что прямой перевод исходных текстов превращается в трудную и неблагодарную задачу».

«Как следствие, китайские исторические хроники очень мало переводили на европейские языки, а существующие научные работы такого рода настолько пестрят личными именами и титулами, что становятся совершенно неудобоваримыми для обычного читателя. Эти прямые переводы, бесценное подспорье для студента и ученого, никогда не смогут достичь успеха у широкой публики»⁴⁶.

Фицджеральд написал эти слова в 1950-х гг., и с тех пор переводов стало больше, а их качество улучшилось. Но его замечания относительно трудностей перевода и неудовлетворительных свойств конечного продукта по-прежнему остаются в силе. Перевод древних китайских текстов, записанных ранними видами китайских иероглифов, представляет серьезную проблему сам по себе, вдобавок усугубляясь интерполяциями и купюрами, возникшими по вине авторов и переписчиков, которые оставили нам тексты в их нынешнем виде. Иногда тексты сокращали или редактировали специально, и из этого тоже можно извлечь полезные сведения. Но нередко это происходило в результате случайности, из-за небрежного хранения или разрушительного действия времени. Сырость, солнечный свет и термиты уничтожали написанные тушью иероглифы; бамбуковые планки со столбцами текста, сшитые непрочными нитями, легко распускались, и части текста могли перепутаться или потеряться. Даже «страницы» почти оригинальных текстов, найденные в пещерах вдоль Великого шелкового пути или в гробницах Мавандуя, оказались непригодными для немедленного прочтения и поставили перед учеными серьезную задачу их идентификации и упорядочивания. Поэтому современный переводчик должен не только извлечь из текста определенный смысл, но и суметь разглядеть случайные или намеренно допущенные ошибки, позднейшие дополнения и накопившиеся за многие столетия неточности. Все это заставляет задуматься о том, правильно ли мы читаем и понимаем некоторые довольно важные тексты.

Фицджеральд писал об императрице У Цзэтянь (690–705), отнюдь не единственной женщине, пользовавшейся безграничной властью, однако единственной, обладавшей титулом императора. Его книга была, возможно, самой ранней англоязычной биографией китайского правителя до эпохи Цин, и в ней до сих пор есть некоторая новизна. В китайских исторических хрониках биографическим материалам отводится немало места. Как правило, в первой половине любой государственной или официальной истории содержится хронологическое описание царствования правителей, о которых идет речь, а во второй половине – подборка кратких биографий основных участников событий. Сведения нередко изложены по одной и той же схеме: предки, рождение, благоприятные встречи в молодости, продвижение по службе, кончина, суммирующее поучение, что совсем не похоже на тонкие характеристики, блестящие догадки и захватывающие повороты повествования, которых ждут от современных биографов.

Хронологические разделы с такой же аккуратностью излагают факты, не увлекаясь домыслами, и демонстрируют образцовую точность в отношении дат, однако им решительно не хватает интриг, драматических намеков и причинно-следственных связей, из которых склады-

⁴⁶ . *Fitzgerald. The Empress Wu. P. v.*

вается захватывающая история. Многие современные книги по истории Китая как на английском, так и на китайском языках, написанные на основании древних хроник, неизбежно заимствуют у них эти особенности. «Неумоимо собирая и записывая факты», они тоже порой превращают знакомство с этими «богатыми материалами» в довольно «затруднительное и неблагоприятное» дело. Важные события и императорские распоряжения следуют одно за другим в упорядоченной последовательности, без отдельного указания на их значимость или стоявший за ними ход мысли. Не слишком захватывающие биографии приберегаются под конец каждого царствования, а поскольку каждое царствование, каким бы коротким оно ни было, часто рассматривается отдельно, читателю порой нелегко увидеть более широкую картину политических и экономических процессов, социальных изменений и внешнеполитических проблем.

Кроме того, бросается в глаза стремление современных авторов подражать многоречивости официальных историй. «Кембриджская история Китая», еще не оконченная ко времени написания этой книги, уже состоит из шестнадцати объемных томов (и чтобы отразить все существенные события, ей, пожалуй, потребуется еще больше), а «Наука и цивилизация в Китае» Джозефа Нидема преодолела двадцатитомный рубеж.

Разумеется, Китай полностью заслуживает подобного торжественного отношения. Огромную страну с бесконечными династическими родословными, экзотической культурой, трагическим недавним прошлым и захватывающим будущим вряд ли можно изучить беглым поверхностным взглядом. Но не стоит предполагать по стонущим под тяжестью книг полкам, что история Китая сильно отличается от истории других стран. Это не так. В Китае точно так же, как и везде, возвышаются и рушатся империи, блистают отдельные личности, прогресс движется скачками, мир непрочен, а социальная справедливость эфемерна. Разница заключается не в качестве, а в степени, не в характере, а в масштабе происходящего. Поэтому предупрежденный о трудностях читатель найдет историю Китая столь же поучительной и полезной, как и любую другую, – только в большей степени.

Численность населения в Китае на сегодняшний день составляет 1,4 миллиарда человек – около пятой части всего населения мира. Вскоре они могут поглотить примерно пятую часть мировых ресурсов. Однако вся история Китая доказывает, что ничего особенного в этом нет⁴⁷. Существующая статистика позволяет предположить, что даже во времена империи Хань (ровесницы Римской империи) население Китая было огромным и составляло, вероятно, ненамного меньше пятой части всего тогдашнего населения мира. Китайские города были и долго оставались самыми густонаселенными, а земли – самыми плодородными. Китай опережал другие страны в развитии науки, техники и промышленности. Случись подобное снова, это означало бы возврат к былому величию, которое демография вполне оправдывает, а история подтверждает, и которое может оказаться сравнительно благотворным для всего остального мира.

Численность населения Китая не раз резко падала в результате стихийных бедствий и жестоких конфликтов, но не менее драматичным было и восстановление. Богатство и техническое превосходство Китая не раз оказывались под вопросом, очевиднее всего в XVIII и XIX веках, и все же это никогда не останавливало изобретательный, трудолюбивый и традиционно многочисленный китайский народ.

В других государствах подобные преимущества вполне могли подстрекнуть развитие глобальных амбиций. В VIII–X веках почти полностью буддийский Китай знал, что буддизм в Индии, святой земле, на которой возникла эта религия, переживает кризис. Но если аналогичный кризис в христианской Святой земле принес из Европы в Палестину несколько волн крестоносцев, в Северную Индию из Китая не отправилось ни одного рыцаря-«буддоносца»⁴⁸.

⁴⁷ Надо учитывать, что если статистически население Китая в исторические времена и составляло примерно пятую часть человечества, то потребление ресурсов в абсолютном выражении заметно изменилось даже по сравнению с XIX веком. – *Прим. ред.*

⁴⁸ Крестоносцы двинулись из Европы в Святую землю не потому, что они знали, в чьих руках она находится. Крестовые

И это несмотря на душераздирающие сообщения, что буддийские святыни в Индии приходят в упадок и разрушаются, а также продемонстрированную Китаем способность к успешной военной экспансии к югу от Гималаев.

Пятьсот лет спустя китайцы, так же как их испанские и португальские современники, имели достаточно ресурсов и достаточно развитые технологии, чтобы отправить корабли через океан. И они действительно это сделали – достигли Юго-Восточной Азии и переплыли Индийский океан, но не с целью отыскать «христиан и пряности», как Васко да Гама, или добывать золото и серебро, или эксплуатировать чужой труд и чужие земли. Их главной целью было, как ни странно, пропагандировать и распространять «во всей Поднебесной» жизненно важную космическую гармонию⁴⁹.

Поскольку, согласно мировоззрению китайцев, император Китая считался Сыном Неба, для других народов это действительно подразумевало определенную степень подчинения. Но подчинение не означало порабощения или расхищения ресурсов⁵⁰. Оно могло приносить пользу. Причина той благосклонности, с которой Васко да Гама встретили на юге Индии в 1498 г., заключалась, по мнению одного из его спутников-португальцев, в том, что индусы ожидали уважительного отношения и пышных даров от всех бледнолицых моряков – как следствие встреч с китайскими мореходами. Впрочем, китайские контакты не оставили в дальних землях постоянных посольств или поселений: вместо того чтобы искать способ окупить плавание, императоры Мин прекратили их. Китайская империя по-прежнему ограничивалась Китаем и его ближайшими соседями. Пятая часть населения мира не выдвигала никаких претензий на пятую часть сельскохозяйственных земель мира.

Однако отношения Китая с азиатскими соседями нельзя назвать полностью безоблачными. Военные походы китайцев достигали территории современных Бирмы, Индии, Непала, Пакистана, Афганистана, Таджикистана, Узбекистана, Киргизии и Казахстана. Но, как и большие морские путешествия, эти походы крайне редко, практически никогда не заканчивались колонизацией; кроме того, их обычно предпринимали в ответ на иноземное вторжение, часто имевшее серьезные и длительные последствия.

Ближайшие соседи – корейцы, вьетнамцы и монголы, не говоря уже о некитайских народностях, в настоящее время проживающих на территории Китая (жителях Тибета, Синьцзяна и южных областей), – несомненно, могли бы поспорить насчет добрососедских качеств Китая. Но агрессия Китая обычно была ответной. Владелец одной из самых длинных и наименее защищенных сухопутных границ в мире, Китай был вынужден постоянно давать отпор грозным противникам. Оседлому населению Северного и Западного Китая угрожали бесконечные вереницы кочевых и полукочевых народов, среди них самые воинственные союзы в истории Азии – сунну, тюрки, тибетцы, мусульмане, монголы и маньчжуры. Позднее к этому списку присоединились незваные гости из-за моря – европейские державы в XIX веке и японские империалисты в XX веке⁵¹. Хотя никакие провокации не могут оправдать, например, недавнее угнетение Тибета, китайский народ гораздо больше пострадал в военном отношении и претерпел в отношении культурном и экономическом от других, чем наоборот⁵². И если идея Великой стены как оборонительного рубежа пользуется такой популярностью, то лишь потому, что она настолько удачно согласуется с этим фактом. Но, как мы убедимся далее, в те моменты,

---

походы стали средством решения внутриевропейских проблем – борьбы за новые владения, власть, землю, вообще место под солнцем; возрастающей неустойчивости положения отдельных лиц из-за городской революции XI столетия; продолжающегося конфликта светской и духовной власти (спора об инвеституре); стремления к религиозному благочестию и т. д. – *Прим. ред.*

⁴⁹ Имеются в виду плавание экспедиции Чжэн Хэ в первой половине XV века. – *Прим. ред.*

⁵⁰ Если такое порабощение и расхищение представлялось слишком трудным для Китая.

⁵¹ Автор не говорит о вьетах и корейцах, в чем случае экспансия Китая совершенно бесспорна: при первой же возможности китайские империи завоевывали или пытались захватить земли ближайших соседей. – *Прим. ред.*

⁵² Все же важно, кто при столкновении сохранил свою государственность.

когда история кажется особенно сговорчивой, историк должен проявлять максимальную бдительность.

И наконец, обещанные извинения. В обзорных исторических трудах приоритет обычно отдается недавнему прошлому. Приближаясь к настоящему, повествование замедляется, словно подходящий к станции поезд. Заметно сбросив скорость в XIX веке, оно осторожно ползет через весь XX век до буферов XXI столетия. Возможно, эта книга, в которой древней истории отведено куда больше места, чем новой и новейшей, впадает в другую крайность. Но поскольку китайской культуре свойственно исключительно серьезное отношение к прошлому, отдаленное здесь часто представляется более важным. Для китайцев Первый император Цинь Ши-хуанди (правивший в 221–210 гг. до н. э.) остается колоссальной фигурой, в то время как последний император Пу-и (правивший в 1909–1911) почти никому не известен. То, что он окончил свои дни, возделывая цветники в пекинском парке, пожалуй, оправдывает подобное невежество. Столетия, представляющие самый большой интерес для иностранцев (начиная с XVI века для европейцев и с середины XVIII века для американцев), всего лишь отражают их собственную историческую перспективу. И как вам, дорогой читатель, прекрасно известно, поезд истории ни на мгновение не останавливается ради удобства книги. «Настоящее» этой книги для вас уже превратилось в «минувшее». История успевает стать историей еще до того, как попадет на полку. То, что казалось свежим и злободневным в момент написания, уплывает вперед, словно свет задних фар, исчезающий на дороге в будущее.

1

От обрядов к письменности (до 1050 г. до н. э.)

Великое начало

Хотя древних китайцев вряд ли можно назвать безбожниками, они никогда открыто не приписывали своим богам (или Богу) столь малоправдоподобное деяние, как сотворение мира. Поэтому в начале времен не Бог создал небеса и землю – они появились сами собой. История Китая начинается не с мифа о творении, а с мифа о происхождении, в котором место создателя занимает событийная ситуация. Это событие, имеющее довольно наукообразные черты (что-то от черной дыры, что-то от Большого взрыва), называется Великим Началом.

«До того как Небо и Земля обрели форму, все было неопределенным и беспорядочным [говорится в «Хуайнань-цзы», II век до н. э.]. И посему оно получило имя Великого Начала. Великое Начало породило пустоту, а пустота породила Вселенную. Вселенная породила *ци* [жизненную силу или энергию], имевшую пределы. То, что было светлым и легким, поплыло вверх, чтобы стать Небом, то, что было тяжелым и мутным, уплотнилось, чтобы стать Землей... Совокупные сущности Неба и Земли стали *инь* и *ян*»⁵³.

Более поздняя и популярная версия мифа о происхождении мира называет первозданную среду не только аморфной, но и «непрозрачной, как содержимое яйца». Это действительно было яйцо – ведь когда оно разбилось, белок отделился от желтка. Прозрачный белок, или *ян*, поднялся и стал Небом, а мутный желток, или *инь*, опустился и стал Землей. Между ними находился инкуб яйца, дух по имени Пань-гу, который в момент разделения прочно стоял ногами на земле, а головой касался небес. «Небеса были чрезвычайно высоко, а Земля чрезвычайно глубоко, а Пань-гу был чрезвычайно длинен», – говорит «Хуайнань-цзы»⁵⁴. Хотя Пань-гу нельзя назвать создателем Вселенной, он явно способствовал ее формированию.

Новые сведения о тех, кто помогал упорядочить самозародившуюся Вселенную, стали известны совсем недавно, после того, как шелковый манускрипт, похищенный из захоронения близ Чанша в южной провинции Хунань в 1942 г., перешел во владение галереи Саклера в Вашингтоне, округ Колумбия. Рукопись состоит из текста и рисунков, представляющих собой схему общего устройства Вселенной. Подобные схемы были довольно широко распространены, они помогали наблюдать за фазами Вселенной и вычислять оптимальное время для тех или иных действий. Шелковый манускрипт, датированный 300 г. до н. э., был аккуратно уложен в бамбуковую шкатулку, но значительно пострадал от времени и в некоторых местах оказался порван. Не весь текст разборчив, и не все разборчивое понятно. Но в одном из разделов, очевидно, изложена еще одна версия происхождения Вселенной. Здесь за ее упорядочивание берется целая семья – муж, жена и умело помогающие им четверо детей. Сначала они «приводят предметы в движение, вызывая преобразования», затем, после заслуженного отдыха, вычисляют границы времени, отделяют небо от земли и дают имена горам («поскольку горы были не в порядке»), а также рекам и четырем морям⁵⁵.

⁵³ Huainanzi, 3:1a, см. в кн.: *De Bary and Bloom. Sources of Chinese Tradition*, 1. P. 347.

⁵⁴ . *Kwang-chih Chang. China on the eve of the Historical Period // CHAC*. P. 66.

⁵⁵ . *Li Ling and Constance A. Cook. Translation of the Chu silk manuscript // Defining Chu. Cook and Major*. P. 171–173.

В то время на земле царил мрак, поскольку солнце и луна еще не появились. Упорядочить горы и реки удалось лишь благодаря просвещенному руководству четырех богов, олицетворявших четыре времени года. В следующий раз богам пришлось вмешаться «через сотни и тысячи лет», когда родились солнце и луна. Ибо в их свете стало очевидно, что с девятью областями⁵⁶ что-то не так: их поверхность неровная, а сверху на них падают горы. Чтобы защитить землю, боги изобрели полог, или небесный купол, а чтобы удерживать его, воздвигли пять столбов, каждый своего цвета. Эти цвета (зеленый, красный, желтый, белый и черный) соответствуют пяти фазам, или пяти стихиям – важной, хотя не всегда последовательной концепции, которая встречается в китайской истории и философии почти так же часто, как неразделимые противоположности *инь* и *ян*.

Упомянутый раздел шелкового манускрипта из Чанша заканчивается словами: «Затем Бог наконец создал движение солнца и луны». Из всех китайских текстов это загадочное утверждение стоит ближе всего к креационизму. Однако китайские духи, боги и даже сам Бог никогда ничего не создавали: они лишь приводили предметы в движение, поддерживали, располагали в определенном порядке, исправляли и давали имена. В китайской традиции происхождение Вселенной всегда считалось менее важным вопросом, чем ее упорядоченность и налаженная работа, поскольку именно от последних зависело измерение времени и пространства и результаты любых человеческих дел.

Не столь важным в китайской традиции считается и происхождение человека. Существует еще одна версия истории Пань-гу, где основную роль в процессе творения сыграл не его исключительный рост, а его посмертное разложение. В этом мифе (в противовес распространенным мифам о творении этот вполне можно назвать мифом о разложении) говорится, что, когда Пань-гу лежал при смерти, «его дыхание стало ветром и облаками; его голос стал громом; его левый глаз стал солнцем, а правый глаз – луной; его четыре конечности и пять частей тела стали четырьмя полюсами и пятью горами; его кровь стала реками; его сухожилия стали возвышенностями и долинами; его мышцы стали почвой в поле; его волосы и борода стали звездами и планетами; его кожа и волоски на ней стали травами и деревьями; его зубы и кости стали бронзой и нефритом; его семя и костный мозг стали жемчугом и драгоценными камнями; его пот стал дождем и озерами; а населявшие его тело черви, когда их тронул ветер, стали черноволосыми простолюдинами»⁵⁷.

В индийской мифологии есть похожий сюжет. Из тела жертвы – первочеловека Пуруши – ведические боги создали варновую иерархию: священнослужители *брахманы* родились из уст Пуруши, воинственные *кшатрии* – из рук, рачительные *вайшьи* – из бедер, а жалкие *шудры* – из стоп. Но даже брахманам, в чьем тщеславном воображении родился этот миф, не приходило в голову возвести зарождение части человеческой расы к кишечным паразитам⁵⁸. Пожалуй, лишь знать, вознесенная так высоко, как в Китае, могла приписать своим черноволосым соотечественникам настолько отвратительное происхождение. В более поздние времена иностранцы возмущались высокомерием китайских чиновников, но их поводы для негодования не шли ни в какое сравнение с тем, что мог бы рассказать на этот счет простой народ Китая.

Из обоих примеров можно сделать вывод, что настойчивое стремление к социальной стратификации – деление на высокопоставленных «нас» и низших «их» – зародилось в самые древние времена, и в Китае это дополнительно подтверждают многочисленные мифы о физическом отделении неба от земли. Пань-гу мог преодолеть это расстояние, поскольку он был

⁵⁶ Из них, согласно традиционному воззрению на мир, состояла Поднебесная (Китай).

⁵⁷ . *Kwang-chih Chang*. China on the eve of the Historical Period // СНАС. Р. 66–67.

⁵⁸ Большинство склонно считать «предками» людей паразитов, живших на коже Пань-гу, что логичнее, ведь они населили поверхность земли, в которую превратилось тело гиганта. Вряд ли этот фрагмент можно считать обоснованием социальной стратификации в китайском обществе: согласно данной концепции, китайские аристократы считались точно такими же потомками кожных паразитов, как и простолюдины.

«чрезвычайно длинен», позднее люди и боги тоже могли совершать прогулки туда и обратно, но в конце концов расстояние между небом и землей стало слишком большим, и только те, кто обладал магическими силами или имел возможность поставить обладателя таких сил на службу своей семье, мог надеяться совершить подобное путешествие. Другими словами, общение с небесами стало привилегией немногих избранных, и в этом заключалось еще одно их отличие от трудящегося простонародья.

В «Шан шу» («Записи о прошлом» VIII–VI веков до н. э., которая дала этимологам XX века китайское слово «панда») мифы постепенно начинают складываться в историю. Здесь отделение Неба от Земли приписывается вполне конкретному «императору»⁵⁹, который приказал положить конец всем самовольным контактам между ними. Связь неба и земли была должным образом разорвана парой богов, состоявших у него на службе. По распоряжению императора «следовало прекратить все восхождения и нисхождения», и, как нас уверяют, после того как это свершилось, «порядок восстановился, и люди вернулись к добродетели».

Этим императором был Чжуань-суй, второй из мифических Пяти императоров, которых традиция помещает во главу великого древа законных государей Китая⁶⁰. Все Пять императоров соединяли в себе божественные и человеческие качества. Их величие потрясло, а деяния отличались такой безупречностью, что еще много тысячелетий служили примером для потомков. В сущности, безупречный пример добродетельного объединяющего правления и был их основной функцией. Первым из Пяти императоров был досточтимый Желтый император (Хуанди), вторым Чжуань-суй, третьим и четвертым – Яо и Шунь, чьи изречения цитируют особенно часто, и последним был Юй⁶¹. В отличие от предшественников Юй положил начало принципу передачи власти по наследству⁶² и сделал преемником собственного сына, тем самым основав первое в Китае государство Ся⁶³.

Правители Ся были царями. Императорский титул в их отношении не употреблялся, появившись лишь спустя 1400 лет. Однако удалось приблизительно установить даты (традиционно ок. 2100 – ок. 1600 г. до н. э., но, возможно, на несколько столетий позже) и местоположение государства Ся – в нижнем течении Хуанхэ либо в районе Чжуньюань (Великая Китайская равнина, которая простирается в Северном Китае от провинции Шаньдун до провинции Шэньси). В отличие от Пяти императоров Ся не считаются полубожествами. Они не оставили никаких документальных или материальных свидетельств, которые можно было бы уверенно соотнести с ними, и даже специалисты по древнейшей истории Китая могут рассказать о них сравнительно немного. Но археологи обнаружили культуры, одна из которых могла принадлежать Ся, и есть доказательства того, что одна из ранних форм письменности могла использоваться при дворе Ся⁶⁴.

---

⁵⁹ В эти мифологические времена термин «ди», впоследствии использовавшийся для обозначения правителей, относился скорее к божеству или первопредку.

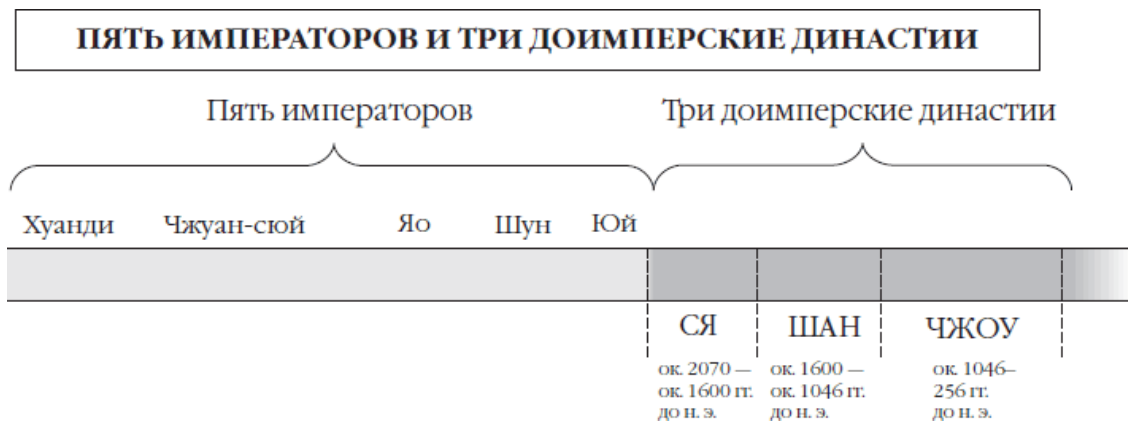
⁶⁰ Согласно большинству текстов, перед легендарными Пятью императорами (У ди) правили легендарные «Три августейших» (Сань хуан).

⁶¹ Большинство авторов не относят Великого Юя к числу Пяти императоров.

⁶² Считается, что наследственная передача существовала уже при Пяти императорах: Чжуань-суй был внуком Хуанди, ему наследовал его сын – Ди Ку, а тому – его сын Яо.

⁶³ Pron. 'Shia'; Wade-Giles (далее – W-G)'Hsia'.

⁶⁴ Следов синхронной Ся письменности пока не найдено.

В то же время раскопки не смогли подтвердить существование единого царства или культуры, соответствующих той уникальной, широко распространенной, влиятельной и просуществовавшей достаточно долго культуре, которую позднейшая текстовая традиция связывает с Ся. С некоторыми важными оговорками⁶⁵ то же можно сказать и о более знаменитых государствах Шан (ок. 1750–1046 гг. до н. э.) и Чжоу⁶⁶ (ок. 1050–256 гг. до н. э.)⁶⁷, которые вместе с Ся составляют первые Три династии (эпохи). Все материальные источники на сегодняшний день подтверждают, что на территории Великой Китайской равнины и далеко за ее пределами возникало и сосуществовало множество местных культур неолита и бронзового века с более или менее выраженными особенностями. Таким образом, начало китайской истории омрачает серьезное противоречие: письменные свидетельства классических текстов IV и III веков до н. э., долгое время считавшиеся абсолютной истиной, не всегда подтверждаются археологическими материалами, изученными по высочайшим стандартам современной науки в XX веке.

Это противоречие крайне важно для общего понимания китайской цивилизации, ее развития и даже национального характера китайцев в прошлом и настоящем. Ставки настолько высоки, что краски порой намеренно сгущают, подрывая беспристрастность научной мысли политической ангажированностью. Все письменные источники утверждают, что существовала единая линия правления, которая складывалась из сменяющих друг друга «династий», географически сосредоточенных на Великой Китайской равнине, откуда распространялась в разные стороны превосходящая соседей и «в основном китайская» культура. Хронологически эта линия правления тянулась, словно апостольская преемственность римских пап, от Пяти императоров к Трех династиям / эпохам (Ся, Шан и Чжоу) и далее, в гораздо лучше изученные времена. Но археологические данные не поддерживают эту стройную теорию. Представляется куда более вероятным, что с хронологической точки зрения периоды правления трех древних династий частично совпадали, а с географической точки зрения царства Великой Китайской равнины не имели того центрального положения и влияния, как принято считать⁶⁸. Что касается обстоятельств, которые привели к формированию обособленной и «в основном китай-

⁶⁵ Образы этих государств, которые реконструируются по данным археологии, заметно отличаются от весьма детальной, но в основном выдуманной картины, содержащейся в традиционных письменных источниках.

⁶⁶ Pron. 'Joe'; W-G 'Chou'.

⁶⁷ Точные датировки столь давних событий вряд ли возможны. Существование государства Ся в разных изданиях может датироваться 2205–1766, 1998–1558 или 2205–1600 гг. до н. э.; последний вариант, «установленный» в рамках работы амбициозного китайского проекта «Хронология Ся, Шан и Чжоу» (1996–2000), встречается чаще всего, но с точки зрения точности и историчности ничем не отличается от двух других или подсчетов даты сотворения мира. Датировки Шан колеблются от 1765–1122 до 1600–1027 гг. до н. э., а наиболее распространен вариант 1600–1046 гг. до н. э. Он также предложен указанным проектом хронологии. В случае с датой падения Шан, вероятно, действительно уместно говорить о середине XI века до н. э., но информации, позволяющей установить время конца существования этого государства с точностью до года, пока нет.

⁶⁸ Царства Великой Китайской равнины также соседствовали с множеством иных государственных и протогосударственных образований, зачастую находившихся на схожих стадиях развития.

ской» культуры, то она не распространялась в разные стороны от Великой Китайской равнины, а зарождалась и развивалась на гораздо более широкой территории и среди народов, отнюдь не отличавшихся этническим единообразием.

Чтобы лучше понять сущность этого противоречия, представьте себе две группы ученых, которые стоят у ворот Запретного города или любого другого традиционного китайского архитектурного комплекса. Одна группа ученых вглядывается внутрь, в торжественную перспективу выложенных серым камнем дворов, воздушных залов и величественных симметричных лестниц. Другая группа смотрит в противоположную сторону и видит пестрый и в равной степени интригующий реальный мир с типичной городской мешаниной не сочетающихся между собой перспектив, плотными потоками транспорта и хаотичной архитектурой. Согласие между этими двумя группами вряд ли возможно, хотя недавние шаги в этом направлении дают некоторую надежду.

Археологи постепенно приходят к мысли, что их наука не всемогуща, поскольку новые находки порой опровергают их собственные ранние гипотезы. И они признают, что сохранение реликвий отдаленного прошлого – такая же случайность, как их зачастую непредвиденное открытие; если на данный момент доказательств недостаточно, это не значит, что нечто никогда не существовало или что в один прекрасный день оно не может быть обнаружено. Между тем ученые, работающие с текстами, соглашаются, что их источники могут быть не вполне объективными, и те, кто писал эти тексты спустя долгое время после описанных событий, возможно, преследовали собственные интересы. Например, название первого государства Ся совпадает с самоназванием группы народностей⁶⁹, населявшей Великую Китайскую равнину в последние столетия до н. э. (как раз в период формирования историографической традиции), подчеркнуто отделявшей себя от других, менее «китайских» народов (их называли *ди*, *мань*, *жун* или *и* – все эти слова переводятся как «варвары»). Возникшее гораздо позднее название Хань аналогичным образом превратилось из обозначения государства в наименование народности и в настоящее время используется как официальное обозначение условно моноэтнического китайского большинства. Оба примера говорят о том, что обоснованность этнических наименований непосредственно связана с выдающимся положением одноименного государства. Таким образом, восхваление государства Ся в текстах, возможно, должно было дополнительно укрепить привилегированное положение тех, кто считал себя наследниками царства Ся, а также «народа ся»⁷⁰.

Современная наука хорошо понимает, с чем связаны эти претензии на обособленность и особость. Вряд ли можно считать простым совпадением, что в националистическую и коммунистическую эпохи сторонники линейной текстовой традиции жили и работали в Китае, а те, кто выступал за региональную и плюралистическую интерпретацию китайской идентичности, как правило, были иностранцами, часто жителями Запада, японцами или китайцами, проживающими за пределами Китая⁷¹. Деконструкция истории Китая, сомнения в ее целостности и попытки проколоть пузырь традиционного высокомерия имеют собственную историю, но это не значит, что все это опровергает результаты и делает недействительными выводы китайских ученых.

⁶⁹ Общность *хуся* («цветущих ся») или *чжуся* («всех ся») была в значительной мере воображаемой и конструировалась в гораздо большей степени на основе противопоставления себя соседям, нежели на базе общих особенностей ее носителей.

⁷⁰ Судя по всему, сам знак *ся* в текстах появляется не раньше середины I-го тысячелетия до н. э., примерно в годы складывания концепции этническо-культурной общности *ся*; это один из доводов в пользу скептического отношения к действительному существованию государства Ся.

⁷¹ Один из основателей критического отношения к традиционным источникам по древней истории Китая – Гу Цзеган (1893–1980) всю жизнь проработал в Китае, но верность научным принципам сделала его мишенью всех многочисленных политических кампаний – от борьбы с «правоуклонистами» в 1950-е гг. до шельмования «контрреволюционеров» во времена Культурной революции.

Блеск бронзы

Ханчжоу, столица провинции Чжэцзян, город с населением шесть миллионов человек, находится к юго-западу от Шанхая, примерно в 150 километрах южнее дельты Янцзы. В городе имеется краеведческий музей, расположенный на острове в озере Сиху – одном из самых знаменитых водных достопримечательностей Китая, с богатыми культурными связями, а теперь окруженном современными красотами. Обогнув продавцов мороженого и палатки с сувенирами, посетители выходят на берег, где в фойе музея их встречает блестящая латунная табличка с английским текстом, рассказывающим о «реликвиях Хэмуду». Хэмуду – название местной неолитической культуры, расцвет которой начался примерно за пять тысяч лет до н. э. Ей посвящен целый этаж музея: в витринах манекены, представляющие людей Хэмуду, занимаются повседневной работой среди художественно разбросанных «реликвий» своих поселений каменного века. Но новая табличка доносит до нас еще один важный момент. Обрисовав успехи людей Хэмуду в строительстве домов, обжиге изящной черной керамики и резьбе по нефриту и слоновой кости, она заканчивается смелым заявлением: «Раскопки в Хэмуду доказали, что долину реки Янцзы можно считать колыбелью китайской нации наряду с долиной Хуанхэ [sic]»⁷².

До недавнего времени подобное утверждение звучало как ересь. Долину Янцзы и весь Южный Китай доисторического периода считали чужими землями, заселенными некитайскими охотниками-собирающими – слишком опасными для оседлых земледельцев. Куда более очевидным кандидатом на звание колыбели доисторической культуры Китая были излюбленные древними поселенцами равнины и долины севера. Именно там в 1920-х гг. были найдены окаменелые останки прямоходящего гоминида – «пекинского человека»⁷³, именно там предположительно развивалась китайская ветвь *Homo sapiens*, и там были посеяны первые семена зерновых культур. Там же намного позднее началась письменная история Китая, отсюда распространялся прогресс, отсюда исходили приказы правителей. Эта же картина была (не без оснований) спроецирована на промежуточные периоды неолита и энеолита.

Только в начале 1980-х гг., но и тогда с оговорками, китайский ученый впервые публично поставил под сомнение общепринятую точку зрения. Он предположил, что она может быть «неполной», хотя сейчас ее вполне можно назвать совершенно ошибочной. Примеры десятков различных неолитических культур, подобных реликвиям Хэмуду, были обнаружены от Маньчжурии на крайнем северо-востоке до провинции Сычуань на западе и провинций Гуандун и Фуцзянь далеко на юге. Ни одну из них нельзя назвать значительно более развитой, чем другие; множество других поселений, несомненно, еще только предстоит обнаружить. Но вероятно, более поздние тексты, в которых этот период именуется эпохой Десяти тысяч царств (или племен), не слишком далеки от истины.

Как правило, самым удобным средством классификации неолитических народов служит керамика. Много интересного могут рассказать захоронения. Однако кладбища и гончарные

---

⁷² Говоря о вкладе юга в развитие Восточной Азии, нельзя не упомянуть культуру Лянчжу, в 3300–2200 гг. до н. э. занимавшую земли вокруг озера Тайху в низовьях Янцзы. Для этой рисоводческой культуры характерен крайне высокий уровень развития земледелия и ремесла (особенно стоит отметить многочисленные изделия из нефрита крайне тонкой работы), а эпонимный памятник представляет собой сравнительно крупный городской центр с храмовыми и дворцовыми комплексами. Все эти данные в совокупности позволяют считать Лянчжу древнейшим в Восточной Азии ранним государством.

⁷³ Пекинский синантроп (*Homo erectus pekinensis*) был хронологически первой находкой, связанной с древними людьми в Китае, затем были сделаны другие. На данный момент самым древним считается обнаруженный в 1965 г. юаньмоуский человек, живший примерно 1,7 млн лет назад (некоторые полагают, что заметно позже) в самой юго-западной провинции Китая – Юньнани. Впрочем, этого южанина также вписали в китаецентристскую концепцию, сделав аргументом в пользу гипотезы независимого очага сапиентации (формирования человека разумного) на территории Китая. Даже сейчас реликты этой версии порой встречаются в китайской литературе.

мастерские предполагают оседлость населения. И первый вывод, который следует сделать из новых открытий, заключается в том, что поселения людей, занимавшихся в основном выращиванием сельскохозяйственных культур и разведением домашнего скота, существовали не только на Великой Китайской равнине, но и во многих других областях Китая. Если в долине Хуанхэ начиная примерно с 8000 г. до н. э. выращивали просо, то в долине Янцзы примерно с того же времени выращивали рис. Производство шелка, основанное на уникальной для Китая форме животноводства – разведении шелкопрядов, также имеет весьма древнее происхождение, и, как теперь известно, в долине Янцзы оно существовало по меньшей мере с 3-го тысячелетия до н. э.

Связи между этими неолитическими культурами пока неясны. На территории Индостана и во внутренних областях Азии ученые традиционно соотносят пути расселения людей с распространением разных типов керамики и других характерных артефактов. На основании этих данных делают выводы о миграциях населения, колонизации и завоеваниях. Но, возможно, все это тоже не более чем ретроспективные допущения. Не исключено, что в обоих случаях на доисторический период была спроецирована картина более поздних миграций, в Индии устремленных главным образом внутрь страны, а во внутренних областях Азии и в Сибири – вовне. Следовательно, можно предположить, что ранние поселения в этих регионах были непостоянными, развитие технологий – неравномерным, а население вело полукочевой образ жизни.

Более статичная модель, которую предпочитают в Китае, также отражает позднейшие исторические установки. Эта модель рассматривает неолитические культуры не как странствующие сообщества, а как сгруппированные областные «сферы взаимодействия», и основное внимание уделяется тем культурам и местностям, для которых в большей степени характерна непрерывность внутреннего развития. Возможно, из-за того, что усилия археологов были изначально сосредоточены в бассейне реки Хуанхэ на Великой Китайской равнине, самые важные с этой точки зрения поселения действительно оказались сконцентрированы на севере. Здесь существовали поселения культуры Яншао (примерно 5000–3000 гг. до н. э., то есть современники Хэмуду), где производили расписную красную керамику, вытесненные затем культурой черной керамики Луншань (около 3000 г. до н. э.). Некоторые луншаньские поселения имеют городские черты. Центр этой культуры находится в Шаньдуне, но поселения разбросаны гораздо шире, чем поселения Яншао⁷⁴. В них появляются сооружения из блоков утрамбованной земли *ханту* – их получали, утрамбовывая рыхлую лессовую почву до консистенции бетона, и использовали для строительства фундаментов и стен вплоть до XX века, когда им на смену пришел бетон. И, к вящей радости археологов, люди культуры Луншань строили своим мертвецам роскошно обставленные гробницы.

Размер некоторых гробниц культуры Луншань, богатство и характер их погребального инвентаря говорят о четко стратифицированном обществе. Привилегированные кланы (или «династии»), очевидно, возвеличивали своих предков, чтобы узаконить собственное положение. Кроме того, благодаря посредничеству предков они имели исключительное право на общение с богами⁷⁵. Из этих соображений они щедро одаривали своих мертвецов редкими вещами (например, из резной слоновой кости) и разнообразными ритуальными принадлежностями, от посуды для еды и питья до музыкальных инструментов и изделий из нефрита.

⁷⁴ Луншань – крайне неоднородная культура; ее классический шаньдунский вариант, выросший на базе местной культуры Давэнькоу (4300–2500 гг. до н. э.), заметно отличается от хэнаньского варианта, наследовавшего Яншао. Возможно, различия между племенами, ныне объединяемыми в эту культуру, на деле были гораздо заметнее, чем общие черты.

⁷⁵ В более позднее время у правящего дома были исключительные возможности для почитания предков: многие церемонии простолюдям были запрещены, как и строительство отдельных храмов для своих прашуров, но даже тогда это не могло лишить простонародье общения с предками, которое, пусть и в чуть менее пышной форме, было главным наполнением религиозной практики любой семьи, и на посредничество предков перед богами рассчитывать могли все. Более того, не исключено, что строгая иерархичность существовала прежде всего в стремившихся к порядку сводах конфуцианских правил, а в жизни возможностей ограничить людей в почитании предков у властей было не так уж много.

Среди них встречаются и довольно живописные приспособления для шаманского общения со сверхъестественным миром предков и богов.

Во всем этом чувствуется нечто смутно знакомое. Вполне возможно, правителями луншаньского общества или какой-то его части были цари Ся. Луншаньское поселение Эрлитоу близ Лояна на южном берегу реки Хуанхэ в провинции Хэнань датируется 1750–1530 гг. до н. э. Эрлитоу предположительно можно соотнести с Ся⁷⁶. На месте раскопок были обнаружены предметы материальной культуры двух типов: одни явно первобытные, другие весьма сложные, однозначно принадлежащие более поздним (или, что вероятнее, хронологически частично совпадающим) государствам Шан и Чжоу. Фактически эти находки представляют собой основной источник для изучения социальной, культурной и политической истории 2-го и 1-го тысячелетия до н. э.⁷⁷.

Прежде всего это обгоревшие кости, в основном лопаточные, разных животных. Кости клали в огонь и ждали, когда они покроются трещинами, затем по этим трещинам «читали» ответы сверхъестественных сил на человеческие вопросы (примерно так же, как древние греки гадали по внутренностям). Далее об этой практике будет рассказано подробнее, поскольку она привела к возникновению древнейшей формы фиксации фактов и первому зафиксированному в Китае случаю использования письменности. Другие находки из Эрлитоу имеют еще более сенсационный характер. Здесь было обнаружено некоторое количество древнейших образцов бронзового литья – технологии, во многом определившей культурный облик Древнего Китая. Массивные изделия из бронзы – урны, котлы и кувшины, почерневшие или позеленевшие от времени, но в остальном совершенно невредимые – до сих пор украшают залы многих музеев мира.

Лучше всего о значении этой находки написал Роберт Бэгли в «Кембриджской истории Древнего Китая»: «Образцы бронзового литья являются технологически и типологически наиболее характерными признаками материальной культуры 2-го тысячелетия до нашей эры... [и служат] показательным критерием оценки культурного развития»⁷⁸. Бронза в древнем Китае играла такую же роль, как камень в цивилизации Древнего Египта и позднее Ирана (Персии) и Греции. Производство бронзовых изделий требовало огромного труда, с помощью бронзы выражали сложные идеи, в бронзе запечатлены ранние образцы письменности, а благодаря ее прочности до нас дошло огромное количество древних изделий. Бронзовое производство в Китае, хотя и уступает по трудоемкости великим каменным сооружениям Египта эпохи фараонов, было тем не менее достаточно масштабным, чтобы считать его «промышленным». В Аньяне (провинция Хэнань) археологи обнаружили бронзовые сосуды весом около 3/4 тонны каждый; общий вес бронзовых изделий из одной гробницы V века до н. э. в Суйчжоу составил

---

⁷⁶ Скорее Эрлитоу – археологическое отражение существовавшего в среднем течении Хуанхэ государства (или протогосударства) раннего бронзового века, которое, возможно, стало основой для содержащихся в более поздних источниках рассказов о Ся.

⁷⁷ Археологические находки являются основным источником для изучения истории Восточной Азии 2-го, а также (в несколько меньшей степени) 1-го тысячелетия до н. э., но обнаруживают их, к счастью, не только на месте поселения Эрлитоу. Ярким примером этого, а также очередным доводом в пользу крайнего разнообразия линий цивилизационного развития в Восточной Азии раннего бронзового века служат недавние находки в городище Шимао на юге Ордоса, на границе между сельскохозяйственными областями средней Хуанхэ и степью, довольно далеко от колыбели китайской цивилизации. Памятник, датируемый 2300–1800 гг. до н. э., представляет собой огромное, обнесенное стенами городище, самое большое в Восточной Азии. В центре двух обводов стен из утрамбованной земли (толщиной 2,5 м, периметры обводов 5700 и 4200 м) высится огромная дворцовая цитадель (300 м в диаметре, 70 м высотой), вырезанная из природного лессового холма, обложенного камнем. Холм превращен в ступенчатую пирамиду с одиннадцатью террасами. В стенах цитадели – резные каменные личины, вмурованы кусочки нефрита, вероятно призванные защищать правителя (чей дворец находился на вершине) не только от врагов из плоти и крови. Для культуры в целом характерен крайне высокий уровень развития скотоводства и земледелия, обработки бронзы. Этническая принадлежность жителей городища и их дальнейшая судьба пока остаются загадкой.

⁷⁸ . Robert Bagley. Shang Archaeology // CHAC. P. 125.

10 тонн. «Ничего хотя бы отдаленно сопоставимого в других государствах Древнего мира не найдено»⁷⁹.

По сравнению с добычей и резьбой по камню технология бронзового литья была бесконечно более требовательной. Раннее мелкое производство в провинции Ганьсу позволяет предположить, что искусство обработки металла зародилось в Китае без какого-либо влияния извне⁸⁰. В пользу этого свидетельствует обилие подходящих руд и достаточно развитые на тот момент навыки изготовления керамики, позволявшие создавать литейные формы и достигать высоких температур в печах для бронзового литья. Неизгладимое впечатление производят массивные бронзовые сосуды (*дин*, *гуй*, *цзя* и т. д.), часто с основанием в виде треножника, имеющие разную форму в зависимости от своего назначения (сервировка готовых продуктов, приготовление пищи, кувшины для пива и пр.).

Сначала все они повторяли форму керамической посуды, но постепенно их вид и отделка усложнялись. Керамические формы для отливки бронзовых сосудов сами по себе были достаточно сложными: украшения вырезали на внутренней стороне формы, чтобы на готовом изделии они стали выпуклыми. Техника гравировки на поверхности готового изделия появилась позже. Внутренние и внешние формы первых отливок делили на части – для триподов *дин* требовалось три части, для более сложных сосудов – гораздо больше. От ножек к вершине сосуда шли вертикальные соединительные линии. Каждую часть, включая дополнительные детали, такие как носики и ручки, отливали отдельно и скрепляли в единое целое в окончательной заливке. Использование отдельных форм устраняло необходимость в пайке или заделывании швов и одновременно способствовало развитию повторяющихся декоративных рисунков, орнаментов и инкрустаций, часто с зооморфными мотивами.

Эта оригинальная и требующая немалого мастерства техника быстро развивалась. Вместе с ней менялись формы сосудов и фантастические орнаменты, которыми их украшали. Изучая эти вариации, искусствоведы смогли наметить этапы эволюции бронзового производства, расположить сохранившиеся образцы в определенной последовательности, определить приблизительные даты существования каждого стиля и сделать важные выводы из расположения мест их находки.

Выяснилось, что места находки вовсе не ограничиваются Великой Китайской равниной, как считали раньше. Хотя изделия самого раннего стиля, связанного с культурой Эрлитоу (1900–1350 гг. до н. э.), крайне редко находят за пределами бассейна Хуанхэ, более поздние стили, особенно связанные с культурой Эрлиган (примерно 1500–1300 гг. до н. э.), распространились достаточно широко. Вероятно, часть бронзовых изделий могла попасть в другие места вместе с торговцами, как товар или подарок, но обнаружение литейных мастерских, производивших почти одинаковые сосуды, вплоть до провинции Хубэй и реки Янцзы позволяет говорить о существовании более основательных контактов. Имеет смысл предположить, что, куда проникли настолько сложные и престижные технологии, проникали также соответствующие культурные убеждения и общественный уклад, а это, в свою очередь, может свидетельствовать о существовании определенной формы политической гегемонии⁸¹. Таким образом, данные о

---

⁷⁹ Ibid. P. 137.

⁸⁰ Факт находки первых медных изделий на территории Ганьсу, неолитические культуры которой заметно отставали от соседей в долине среднего и нижнего течения Хуанхэ (например, там гораздо позже стал известен гончарный круг), но зато находились в гораздо более тесном контакте с Центральной Азией и Южной Сибирью, дает основание предположить, что технология выплавки меди могла прийти в Восточную Азию извне. Очень скоро (как это позже случилось и с железом) древнекитайские мастера превзошли своих учителей по очень многим параметрам, достигнув чрезвычайно высоких результатов как в качестве, так и, особенно, в количестве производимой продукции.

⁸¹ В истории Китая немало примеров, когда предметы, относящиеся к элитарному потреблению, а также связанные с ними культурные и религиозные представления и технологии распространялись значительно быстрее, чем политическая или военная власть породившей их культуры. Это характерно для стадии древних, архаических государств, чьи возможности по организации военного вторжения были невелики – в отличие от привлекательности их культурных достижений для ближних

бронзовом производстве показывают, что в XV–XIII веках до н. э. на Великой Китайской равнине существовало государство с развитой сложной культурой, распространившее свое влияние в значительной части региона к югу и востоку.

Археологам это экспансивное государственное образование известно как Эрлиган, по названию археологической площадки в городе Чжэнчжоу на реке Хуанхэ, в провинции Хэнань. Ориентируясь исключительно на археологические источники, Р. Бэгли объявляет Эрлиган «первой великой цивилизацией Восточной Азии»⁸², и большинство историков, исходя из предоставленных археологами дат и местоположения, вполне охотно соотносят эрлиганскую культуру с известным по письменным источникам государством Шан. Но, как и в случае с Эрлитой и государством Ся, Эрлиган и Шан тоже не вполне совпадают друг с другом. Распространение и господство культуры Эрлиган окончилось раньше, чем существование государства Шан. Хотя бронзовое производство продолжало расширяться, в особенности на севере, в других областях примерно в 1300 г. до н. э. появились характерные местные стили, что свидетельствует о возрождении культурной и политической автономии в регионе Янцзы, Сычуани и на северо-востоке как раз в тот период, когда, по утверждению хроник, безраздельно господствовала Шан.

Кроме этих интригующих намеков на политическую активность, бронзовая промышленность дает некоторые сведения о природе эрлиганского и, возможно, шанского общества. Бронза представляет собой сплав, для изготовления которого необходимы медь и олово. Эти металлы нужно было сначала найти и добыть, а затем соединить в процессе литья в особой пропорции, соответствующей размерам и типу изготавливаемого сосуда. Также было необходимо большое количество топлива для печей, и, поскольку за работой литейных мастерских предположительно наблюдала «столица», вероятно, существовала значительная потребность в транспорте. Следовательно, в то время в обществе существовала не только иерархическая стратификация – оно было к тому же разделено на функциональные ремесленные группы, достаточно постоянные и находившиеся под бдительным контролем властей. Нужно было обучать и содержать квалифицированных ремесленников, мобилизовать многочисленную и вместе с тем покорную рабочую силу. Руководила производством правящая династическая клика, обеспечивавшая постоянный спрос на готовые изделия высокого качества. Металл относительно редко использовали для изготовления оружия и почти не использовали для производства инструментов или сельскохозяйственных орудий. Бронзовое литье оставалось престижной монополией взыскательной знати. Основную часть бронзового производства составляли ритуальные сосуды, и, судя по археологическим данным, многие из этих сосудов действительно предназначались только и исключительно для сопровождения высокопоставленных особ в местах их захоронения.

Огромный комплекс гробниц в Аньяне, севернее реки Хуанхэ на территории провинции Хэнань, датируется приблизительно 1200 г. до н. э. Несмотря на то что влияние эрлиганской культуры к этому времени начало сокращаться, этот неоспоримо позднешанский центр не демонстрирует никаких признаков упадка. Изученный тщательнее, чем любая другая археологическая площадка, некрополь Аньяна и циклопические фундаменты расположенного по соседству с ним города создают захватывающее, хотя и несколько мрачное представление о могуществе поздней Шан⁸³. Самая большая гробница занимает площадь размером с футбольное поле. От тех мест, где на поле должны быть ворота и боковые линии, идут четыре наклонных спуска. Они соединяются в центре у вертикальной шахты, в основании которой находится разрушенная погребальная камера. Это крестообразное сооружение площадью около 200 кв.

и дальних соседей.

⁸² Ibid. P. 165.

⁸³ См.: Кузнецова-Фетисова М.Е. «Великий город Шан» (XIV–XI вв. до н. э.) и его значение в древней истории Китая. М.: Наука – Восточная литература, 2015. 190 с. – *Прим. ред.*

м и высотой 3 м уходит под землю на глубину 10,5 м. В нем было найдено пять жертвенных ям. В середине на площадке с деревянным настилом стоял саркофаг. К сожалению, грабители могил добрались туда намного раньше археологов. Погребальный инвентарь был в основном разграблен; та же участь постигла многие другие гробницы Аньяна. На сегодняшний день существует только одно достойное внимания исключение.

Скончавшаяся всего через 150 лет после фараона Тутанхамона госпожа Фу Хао, супруга одного из правителей Шан, была похоронена в Аньяне примерно в 1200 г. до н. э. и оставалась нетронутой до 1976 г. н. э. Ее гробница небольшая и без наклонных спусков. Госпожа Хао – это имя выгравировано на лежащих вместе с ней бронзовых изделиях – возможно, была нежно любимой при жизни, но занимала слишком незначительное положение⁸⁴, чтобы заслужить что-нибудь, кроме «малой гробницы» глубиной около 7,5 м. Тем не менее ее погребальная камера обставлена очень богато. Саркофаги, хотя и сильно пострадавшие от сырости, когда-то были отделаны красным и черным лаком и покрыты тканями, а стены, вероятно, украшены росписями. Большинство предметов сохранившегося погребального инвентаря первоначально находились внутри внешнего саркофага. В этом сравнительно небольшом пространстве помещались 195 бронзовых сосудов (самый крупный из которых весил 120 кг), более 270 мелких бронзовых предметов, 564 предмета из резной кости и огромная коллекция изделий из нефрита – 755 предметов, самая обширная среди найденных коллекций такого рода. «Если [более крупные] гробницы были еще богаче этой, то представить их содержимое воображение просто не в силах», – говорит Р. Бэгли⁸⁵.

В гробнице госпожи Хао было найдено шестнадцать скелетов. Они располагались внутри саркофага, вокруг него и над ним. Шанская знать не любила покидать этот мир в одиночку: в могилу их сопровождали родственники, придворные, охранники, слуги и домашние животные. Ритуал требовал, а его зрелищность, несомненно, способствовала особому размаху человеческих жертвоприношений. В больших гробницах количество жертв исчисляется сотнями⁸⁶. Одни скелеты сохранились полностью, другие расчленены или обезглавлены, у многих спилен верх черепа – возможно, его сохраняли для резьбы по кости. Вероятно, некоторые искалеченные жертвы были осужденными на казнь преступниками или военнопленными. Убийство пленников было обычным явлением, и среди скелетов встречаются разные расовые типы. Вряд ли милосердие Шан, если оно вообще существовало, «не знало принуждения» – судя по археологическим данным, оно не видело большой разницы между другом и врагом⁸⁷ и в ритуальных целях расходовало жизни людей – мужчин, а иногда женщин и детей – так же расточительно, как бронзу и нефрит.

Откуда брались средства на всю эту безудержную роскошь, не вполне ясно. В тот период не происходило заметных сдвигов в сельском хозяйстве, нет сведений о крупных ирригационных работах и каких-либо важных технических нововведениях, хотя когда-то свои сторонники были у теории возникновения плужного земледелия. Торговля и завоевательные военные походы, по-видимому, тоже не играли значительной роли. Судя по всему, династия Шан просто выжимала из населения все возможные сельскохозяйственные и рабочие ресурсы. «Это приводит к неизбежному выводу, – пишет Чжан Гуанчжи из Китайской академии (*Academia Sinica*), – что период Шан стал в этой части света началом организованной крупномасштабной

⁸⁴ Согласно шанским источникам, Фу Хао регулярно возглавляла войска в завоевательных походах и даже имела собственную армию. Это было редкостью для шанских цариц и вовсе невообразимо для Китая более поздних времен.

⁸⁵ Ibid. P. 197.

⁸⁶ Не всегда легко определить по обнаруженным у царской могилы скелетам, кто был принесен в жертву, а кто скончался во время постройки гробницы и был похоронен поблизости.

⁸⁷ Большинство шанских сообщений о человеческих жертвах называют их военнопленными.

эксплуатации одной группы людей другой в рамках одного общества»; кроме того, он положил начало «тиранической системе правления, которая делала такую эксплуатацию возможной»⁸⁸.

Пока члены правящих кланов вели роскошную жизнь в огромных дворцах, о грандиозности которых свидетельствуют сохранившиеся фундаменты из утрамбованной земли, «черноголовые» простолюдины⁸⁹ ютились в землянках, ели из грубой глиняной посуды и возделывали поля деревянными и каменными орудиями, почти не изменившимися с эпохи неолита. Судя по состоянию многих скелетов, люди регулярно недоедали. Отдых был редким, неподчинение властям – смертельно опасным. Высокий уровень культуры в Китае бронзового века был куплен дорогой ценой: яркий блеск цивилизации возникал под тяжелой рукой деспотической власти⁹⁰.

---

⁸⁸ . *Chang*. *Early Chinese Civilisation*. P. 57.

⁸⁹ Термин «черноголовые» засвидетельствован гораздо позже эпохи Шан.

⁹⁰ Не вполне понятно, откуда брались ресурсы для шанской роскоши – кроме населенности государство Шан ничем особенно не отличалось от других древних цивилизаций схожей степени развития. Богаче шанские правители жили явно не только потому, что больше угнетали свой народ.

Встреча с родными

Довольно суровая картина жизни в Китае во 2-м тысячелетии до н. э. может несколько измениться благодаря дальнейшим исследованиям на археологических стоянках, в последнее время открытых в отдаленных уголках страны. Например, культура Цицзя, обнаруженная в провинциях Ганьсу и Цинхай, дала не только бронзовые изделия доэрлитоуского периода, но и свидетельство существования еще одного бессмертного признака китайской цивилизации: в 2005 г. на археологической стоянке Лацзя была обнаружена «самая древняя в мире лапша», изготовленная из просяной муки и датированная приблизительно 2000 г. до н. э.⁹¹

Более сложные артефакты, в том числе несколько огромных бронзовых колоколов с археологических стоянок в Хубэе и Хунани, подтверждают существование в бассейне Янцзы развитого искусства и культуры. Но их затмевают находки, сделанные выше по реке, в провинции Сычуань. Два недавних открытия в Чэнду (ныне мегалополис с населением около 12 миллионов человек) и его окрестностях ставят в тупик искусствоведов и грозят подорвать сложившиеся представления о единстве традиций бронзового века. Жертвенные ямы, случайно обнаруженные в Саньсиндуе в 1986 г., и стоянка в Цзиньша, открытая во время дорожного строительства в 2001 г., принесли огромное количество костей животных и слоновьих бивней, но ни одного человеческого скелета. А настоящей сенсацией стала находка массы бронзовых бюстов и фигурок, золотых масок и изделий из нефрита, совершенно непохожих на все, что было найдено в других областях Китая. Бронзовая статуя высотой 2,6 м (вместе с пьедесталом), датируемая 1200 г. до н. э., изображает удлиненную жестикулирующую фигуру со стилизованными чертами лица, напоминающими о традиционном искусстве ацтеков. Не имеют известных аналогов разбирающиеся на части бронзовые фруктовые деревья, похожие на гигантские столовые украшения, с листьями, похожими на персики плодами и птицами на ветвях.

Кроме того, в Саньсиндуе были обнаружены фундаменты большого города из блоков утрамбованной земли (*ханту*). Этот строительный метод предполагает связь с культурой Эрлитоу или Эрлиган⁹². В то же время весьма велик соблазн связать странные и удивительные археологические находки из Сычуани с существовавшими позднее в том же районе государствами, известными по текстам как Шу и Ба. Аналогичная связь напрашивается между находками в Хубэе и Хунани и существовавшим позднее в бассейне Янцзы царством Чу. Это позволило бы подчинить противоречивые данные общепринятой письменной традиции и поместить необъяснимые формы искусства в рамки существующих исследований.

Но самое противоречивое открытие еще не удалось уложить ни в какие рамки. В 1978 г. китайский археолог Ван Бинхуа обнаружил множество курганов в Комуле (Хами), в пустынях на востоке провинции Синьцзян. В этих местах никто не ожидал найти древнюю культуру, как-либо связанную с традиционной колыбелью китайской цивилизации: если Чэнду расположен от Пекина примерно на таком же расстоянии, как Денвер от Нью-Йорка, то Комул можно сравнить с отдаленным уголком Айдахо.

Европейские путешественники в XX веке уже замечали в этих местах похожие курганы, но не заинтересовались ими. Новые захоронения датированы примерно 1200 г. до н. э., и об их содержимом было почти ничего не известно, пока после открытия Вана не прошло еще десять лет. Именно тогда, в 1988 г., американский ученый Виктор Мэйр, руководивший экспедицией Смитсоновского института, оказался в новом отделе краеведческого музея в столице Синьцзяна Урумчи. Раздвинув служившие дверью занавески, он сделал шаг внутрь и, по его собственному выражению, «попал в другой мир».

⁹¹ Exploring Chinese history // www.ibiblio.org.

⁹² Культура Саньсиндуй демонстрирует гораздо больше отличий от Шан, чем сходств с ним.

«В комнате было множество мумий! И они выглядели почти как живые! Не завернутые в метры пыльной марли усохшие выпотрошенные фараоны, о которых все сразу думают, когда речь заходит о мумиях. Нет, это были вполне обычные люди, одетые в повседневную одежду. В комнате было полдюжины тел, и все они – мужчины, женщина и ребенок – выглядели так, будто ненадолго прилегли вздремнуть и в любой момент могли сесть и заговорить с тем, кто случайно оказался рядом со стеклянной витриной»⁹³.

Мэйр был совершенно очарован. Пожалуй, как специалист по древней восточной лингвистике и литературе, он мог бы даже понять часть отрывистых реплик, слетевших с высохших губ мумий. Он дал им всем имена, а одного назвал в честь своего брата – сходство было поразительным. Этот Ур-Давид («первый Давид»), или «черченский человек», лежал, положив голову на подушку и «мягко сложив на животе выразительные руки». Он был одет в штаны красивого темно-бордового оттенка и шерстяную рубашку, «отделанную тонким красным кантом». На ногах у него были высокие белые сапоги, а под ними войлочные носки, «окрашенные в яркие радужные цвета».

Повинуясь той же поэтической вольности, обнаруженное на соседнем участке хорошо сохранившееся женское тело стало Красавицей из Крорайны, или Лоуланьской красавицей. Она отправилась в могилу в клетчатой накидке рогожного переплетения; когда пластический хирург восстановил ее лицо для телевизионного документального фильма, она выглядела почти презентабельно. Непреодолимое стремление наделять мумий личными чертами имело свое объяснение: для Мэйра они не только «выглядели почти как живые», они явно были похожи на него самого. Это был случай мгновенного узнавания, а затем пламенного усыновления. Американец нашел родных⁹⁴.

Но именно в этом с китайской точки зрения и заключалась проблема. Таримские мумии (Тарим – название реки, которая спускалась в Таримский бассейн восточного Синьцзяна⁹⁵) не относятся к монголоидной расе, а исследование ДНК подтвердило их европеоидное происхождение. У многих из них каштановые волосы, и по крайней мере один имел рост около двух метров. Больше всего они похожи на кроманьонцев Восточной Европы. То же можно сказать об их одежде и, вероятно, об их языке. Скорее всего, они принадлежали к прототохарской группе, древней ветви огромной индоевропейской языковой семьи, которая включает в себя кельтские, германские, греческий и латинский языки, а также санскрит, древнеиранский и множество других языков.

Мэйр и его ученики не собирались останавливаться на достигнутом. На сегодняшний день обнаружено несколько сотен мумий, прекрасно сохранившихся благодаря исключительной засушливости региона и высокому содержанию щелочи в пустынных песках. Захоронения охватывают длительный период (2000 г. до н. э. – 300 г. н. э.). Предки этих людей, скорее всего, переселились из Алтайского края, где примерно в 2000 г. до н. э. процветала еще одна европеоидная культура – Афанасьевская⁹⁶. Вероятно, было несколько волн миграции, в процессе которых переселенцы контактировали с иранскими народами индоевропейской языковой группы и с алтайскими народами. Поскольку и те и другие были знакомы с основами металлургии и имели множество одомашненных животных, в том числе лошадей и овец, люди,

⁹³ . *Mallory and Mair. The Tarim Mummies. P. 8*

⁹⁴ Автор, британец шотландского происхождения, явно иронизирует. – *Прим. ред.*

⁹⁵ Река Тарим течет и сейчас; ее длина 2137 км, а средний сток превышает этот показатель у реки Москвы. Другое дело, что большую часть года, когда ее не подпитывают тающие ледники соседних горных хребтов, обнаружить эту реку практически невозможно.

⁹⁶ См.: *Грязнов М. П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. — Прим. ред.*

чьи мумии сохранились до наших дней, вероятно, переняли у иранских народов эти знания и передали их дальше, культурам Восточного Китая.

Поэтому, по мнению Мэйра и его коллег, коневодство, овцеводство, колесо и конная повозка, запасы необработанного нефрита и, возможно, технологии производства бронзы и железа пришли в сердцевины Китая именно благодаря этим европеоидным прототохарам. Отсюда напрашивался вывод, что европейцы, в XVII–XIX веках смущавшие Китай своим техническим превосходством, не были первыми. «Иноземные демоны на Шелковом пути» появились уже четыре тысячи лет назад, и благодаря им древнюю цивилизацию Китая не следует рассматривать как абсолютно уникальную «вещь в себе». В действительности она, скорее всего, была настолько же подражательной и не более самобытной, чем большинство других цивилизаций.

Излишне говорить, что китайским ученым крайне трудно согласиться с этой точкой зрения. Даже если отложить в сторону уязвленный патриотизм, на кону стояла национальная интеграция. «Синьцзянские сепаратисты» (предпочитавшие называть себя уйгурскими националистами) с готовностью приняли выводы Мэйра, которые помогали им обосновать свое стремление к независимости и оспорить претензии Пекина, утверждавшего, что их провинция исторически является частью Китая. Мумии оказались втянутыми в политику. Власти Китая обнаружили, что их подозревают в умышленной халатности при консервации мумий, саботаже исследований, замалчивании их выводов и сокрытии доказательств, в том числе уже обнаруженных мумий.

Разгоревшиеся страсти сейчас постепенно начали утихать. Уйгуры – тюркоязычный народ, поселившийся в Синьцзяне не ранее VII века н. э. и исповедующий ислам. Вряд ли можно утверждать, будто они имеют много общего с энеолитическими европеоидами, жившими во 2-м и 1-м тысячелетиях до н. э. и говорившими на индоевропейском языке, о чьих верованиях нам практически ничего не известно. Предки уйгуров могли вступать в браки с поздними носителями тохарского языка, но с тем же успехом они могли уничтожить этот народ. Более того, Китайская Народная Республика настаивает на существовании единого китайского народа или единой исторически определенной территории. Уйгуры, тибетцы и другие этнические меньшинства имеют веские причины возмущаться ханьским шовинизмом, однако история может быть ненадежным союзником.

Более интересный вопрос – действительно ли люди-мумии участвовали в распространении технологий и сырья. Основным источником нефрита для Китая всегда служил горный хребет Куньлунь в Южном Синьцзяне. Было установлено, что нефрит, изделия из которого найдены, в частности, в гробнице госпожи Хао, добыт в Куньлуне, а значит, народы, населявшие промежуточные регионы, вполне могли участвовать в его поставке. Меньше ясности с металлургией. Люди афанасьевской культуры изготавливали небольшие медные инструменты, но, согласно последним исследованиям, «выплавка и литье металла им были неизвестны»⁹⁷. Судя по артефактам, которые на данный момент соотносят с мумиями, оставившие их народы тоже этого не умели. При этом известно, что железо появилось в китайской истории около 900 г. до н. э. именно в Синьцзяне.

Другое дело лошади, верховая езда и колесницы. Они, как и нефрит, почти наверняка были заимствованы китайцами у среднеазиатских соседей. Колесницы, иногда вместе с лошадьми и возничими, впервые появились в Аньяне (около 1240–1040 гг. до н. э.) и других захоронениях периода Шан. Найденные там огромные колеса с множеством спиц были объявлены первыми в Китае колесами, а лошади – первыми в Китае тягловыми животными. Никаких свидетельств развития колесного транспорта или верховой езды в Китае до этого периода не найдено. Но предположение, что эти навыки действительно пришли в Китай из-за рубежа, не

---

⁹⁷ . A. P. Okladnikov. Inner Asia at the dawn of history // CHEIA. P. 7, 9.

означает, что они были заимствованы именно в Синьцзяне. Как мы убедимся дальше, скорее всего, их переняли у соседей из Монголии.

Изречения оракула

Пока археологические стоянки в Синьцзяне и Сычуани не изучат подробнее, догадки будут перевешивать достоверные факты, оставляя обширное поле для домыслов. В то же время широко раскинувшийся археологический городской комплекс в современном Аньяне в провинции Хэнань уже подвергся исчерпывающим раскопкам. Он находится в самом сердце Китая, и здесь археологи могли наверняка рассчитывать на потрясающие находки.

Говорят, первый интерес к этим местам возник, когда в 1899 г. выяснилось, что один аптекарь из Пекина снабжает больных малярией лекарственным порошком, будто бы истолченным из костей дракона. Разумеется, такого количества драконов в Китае никогда не водилось – на самом деле это были лопатки крупного рогатого скота и пластроны (брюшные щитки) от черепах. Но они имели достаточно древний вид, а на некоторых было нацарапано нечто вроде надписей. Это открытие сделал страдавший малярией больной, чей брат оказался известным ученым, специалистом по древнекитайским текстам. Когда он изучил знаки на костях и понял, что они подозрительно похожи на иероглифы, найденные на бронзовых изделиях позднего периода Шан, за костями началась охота.

После множества уклончивых бесед и долгой слежки было установлено, что кости и панцири поставляют жители деревень в окрестностях Аньяна. Казалось, их запасы там неисчерпаемы. Коллекционеры-любители, в том числе иностранцы⁹⁸, обнаружили на удивление много костей с нацарапанными иероглифами в антикварных магазинах Пекина, и, поскольку эти иероглифы можно было перенести на бумагу, используя эстампы, а затем попытаться расшифровать, знатоки всего мира надолго обеспечили себе увлекательное занятие. Между тем поставщики, вместо того чтобы соскабливать каракули, снижавшие стоимость хороших «костей дракона», начали, наоборот, углублять их, чтобы выгодно продать на рынке диковин. «На одну подлинную кость приходится сотня подделок», – описывал ситуацию в 1935 г. историк Хэрли Г. Крил. Коллекции костей, «среди которых не было ни одной подлинной», «скупались за многие сотни долларов»⁹⁹.

К счастью, все это не смутило археологов. Раскопки в Аньяне начались в конце 1920-х гг. и с перерывами на войны и революции продолжались в 1930, 1950 и 1970-х гг. Ожидания, что эта археологическая площадка окажется культовым центром периода Шан, вполне оправдало обнаружение монументальных фундаментов более пятидесяти крупных зданий и сенсационные находки гробницы размером с футбольное поле и роскошного погребального инвентаря госпожи Хао. Таким образом, существование государства Шан, чья историчность раньше вызывала не меньше сомнений, чем Ся, было самым надежным образом удостоверено, письменная традиция получила подтверждение, а археологию признали ключом к дальнейшему обоснованию господства и превосходства Северного Китая в отдаленном прошлом.

Как отмечалось, этим надеждам не суждено было полностью сбыться. Дальнейшие открытия в других областях Китая с одинаковой частотой то подтверждали, то перечеркивали бережно хранимые традиции. Но по крайней мере «кости дракона» ученых не разочаровали. Новые находки и кропотливый анализ процарапанных надписей позволили сделать вывод, что шанская знать действительно была образованной и что современная китайская письменность уникальна, поскольку действительно является прямой наследницей письменности, которую использовали во 2-м тысячелетии до н. э. Более того, установили, что документальная история Китая начинается не с набора загадочных рун и не с бесконечного гомеровского эпоса, а

⁹⁸ Честь первых открытий, связанных с определением времени создания текстов и их жанра, принадлежит китайским ученым и коллекционерам.

⁹⁹ . H. G. Creel. Dragon bones // Asia, 35. P. 182, цит. в кн.: Keightley. Sources of Shang History. P. 140–141.

с предельно утилитарного, официального и явно бюрократического архива (хотя и начертанного на панцирях и костях). Надписи на костях раскрыли красноречивые подробности сложной системы правления и церемониала эпохи Шан, что, предвосхищая дальнейшие тенденции, добавило лишний аргумент к претензиям Китая на три или четыре, если не на все шесть тысяч лет непрерывно существующей цивилизации.

На данный момент в распоряжении ученых находится более ста тысяч фрагментов, составляющих около семи тысяч лопаток и пластронов, большинство из которых считаются подлинными. Более четверти из них происходят из одного и того же места, что позволяет предположить их осознанное хранение в специальном «архиве». Датировка костей охватывает около трех тысяч лет, начиная с конца 4-го тысячелетия до н. э. (культура Луншань) и заканчивая периодом правления государства Чжоу в начале 1-го тысячелетия до н. э. Однако использование костей было стандартизировано, и их стали ценить как средство записи именно в государстве Шан, столицей которого около 1300 г. до н. э. стал Великий город Шан на территории современного Аньяна. В эпоху Шан черепахи пластроны впервые начали использовать вместе с лопатками животных, а затем и вместо них¹⁰⁰. Может быть, пластроны как более редкий материал лучше отвечали духу царственного искусства предсказания; может быть, черепахи как исключительно долгоживущие животные считались более подходящим символом; а может быть, трещины на пластровах просто получались более четкими. Именно в эпоху Шан возник обычай предварительно просверливать на костях и пластровах небольшие углубления в определенном порядке и иногда нумеровать их, создавая своего рода «маркированный список», в котором огонь затем должен был оставить свои пометки. Наконец, именно в эпоху Шан возник обычай записывать рядом с каждой трещиной краткое содержание гадания, включая дату и имя предсказателя, а также хранить – можно даже сказать «подшивать» – обработанные «документы».

Ни одно из этих достижений не следует недооценивать. Добиться, чтобы кость или пластрон покрылись аккуратными трещинами, было ничуть не проще, чем истолковать результат гадания. Недавние эксперименты, в основном с костями животных, не дали обнадеживающих результатов. Японский ученый, как-то пригласивший коллег на барбекю, поставил эксперимент с угольными брикетами, раскаленной кочергой и лопаточной костью, предварительно просверленной на стандартную глубину. У него ничего не получилось. «Мне надоело возиться, – говорит он, – и я бросил чертову кость в грудку угля... Предсказание оказалось неблагоприятным». Затем, когда тлеющая кость начала издавать неприятный запах, он вынул ее из углей. И когда он это сделал, кость начала трескаться. «“Чпок! Чпок! Чпок!” – это было страшно. Нам удалось реконструировать древний китайский способ гадания!» Впрочем, позволим себе не согласиться – в эпоху Шан все это явно происходило совсем не так. Кость, с которой экспериментировал японский ученый, обуглилась и совершенно не годилась для «прочтения» или комментирования. Ученые пришли к выводу, что в эпоху Шан гадальные кости были лучше высушены, а огонь, возможно полученный от сжигания дерева маслянистых листовых пород, был намного жарче¹⁰¹¹⁰².

Исходя из разумного допущения, что найденные на сегодня залежи костей и пластронов составляют лишь небольшую часть первоначального архива, другой ученый предположил, что правители Шан советовались со своими богами ежедневно¹⁰³. Ритуал обычно проходил в одном

¹⁰⁰ Большинство шанских гадательных костей – лопатки крупного и мелкого рогатого скота; но черепахи пластроны, очевидно, считались более ценным материалом, и их старались использовать при особо важных гаданиях. Некоторые ученые считают, что структура пластронов, самой природой размеченная на квадраты, повлияла на технологию шанского гадания.

¹⁰¹ Обычно считается, что трещины образовывались при прикладывании к просверленным в кости отверстиям раскаленного металлического прута.

¹⁰² . Keightley. Sources of Shang History. P. 21.

¹⁰³ Ibid. P. 154–155.

из праотцовских залов под музыку, воскурение благовоний, подношение еды и напитков и, возможно, жертвоприношение животных. Вероятно, его торжественности ничуть не мешали частота повторений и заурядный характер задаваемых вопросов.

Поскольку навык «чтения» пророческих трещин был совершенно утрачен следующими поколениями, все, что нам об этом известно, основано на поясняющих надписях, которые удалось разобрать ученым. Эти надписи были сделаны на костях и панцирях после обжига, как можно ближе к соответствующей трещине. Вначале их записывали тонкой кистью, затем процарапывали ножом, а получившиеся царапины заполняли краской. Так или иначе (для того чтобы сверяться с ними в будущем или в демонстративных целях), правители Шан явно хотели, чтобы записи имели впечатляющий вид.

В ходе современных попыток прочесть надписи на гадательных костях было выделено около четырех тысяч отдельных знаков архаичного китайского письма; около половины из них были «переведены или идентифицированы с разной степенью уверенности». «Нет никаких сомнений в том, что язык этих надписей – китайский»¹⁰⁴. Некоторые иероглифы по характеру ближе к пиктограммам, но во многих прослеживаются их более поздние формы и, как в классическом китайском, они расположены столбцами и читаются сверху вниз. Что особенно важно, каждый иероглиф по отдельности обозначает некое понятие, а не звук, входящий в состав слова, выражающего это понятие, как в большинстве других языков¹⁰⁵. Наконец, многое в самих иероглифах и их грамматическом соотношении подтверждает, что эта система письма возникла за некоторое время до описываемого периода. Возможно, более ранние записи не сохранились, поскольку их делали на менее долговечных материалах – бамбуке, древесной коре или ткани. Но, судя по всему, две отличительные особенности китайской цивилизации – особая ценность образования и уникальная система письменности – имеют долгую историю, начавшуюся еще до аньянской (ок. 1240 – ок. 1040 гг. до н. э.) и, вероятно, даже до шанской эпохи (приблизительно 1750–1040 гг. до н. э.). Не исключено, что несколько пока не окончательно распознанных иероглифов на камне, относящихся к неолитическому периоду, в будущем смогут это подтвердить¹⁰⁶.

Учитывая трудности перевода и неизбежно «стенографическую» форму записи, обусловленную естественными свойствами гадательной кости, удивительно, как много надписей удалось расшифровать. Чаще всего встречаются «вопросания»¹⁰⁷, требующие простого подтверждения из иного мира, например: «Сегодня не будет никаких бедствий» или: «В ближайшие десять дней [продолжительность шанской «недели»] не случится никаких бедствий». Желаемый «ответ» на такие вопросы – иероглиф, означающий «благоприятно» или «утвердительно» (трещина прочитывалась как положительный ответ на заданный вопрос – да, сегодня не будет никаких бедствий). Нередко для большей ясности вопрос дополнительно формулировали в отрицательной форме: «На следующий день... [мы] не должны предлагать подношения предку И» – и вслед за этим: «На следующий день... мы должны сделать подношения предку И». Таким образом, если первый ответ оказывался непонятным, второй мог его прояснить. Иногда задавали вопросы, предполагающие множественный выбор: «Фу должен отправиться

¹⁰⁴ . *William G. Boltz*. Language and writing // CHAC. P. 88.

¹⁰⁵ Специалисты полагают, что большинство шанских знаков как раз передают звучание слов. Пиктограммы и идеограммы, изображающие передаваемое понятие, составляют не столь значительную часть.

¹⁰⁶ Ученые обнаружили довольно много знаков (прежде всего на керамике), относящихся к временам культур Яншао, Луншань, а также культур бассейна Янцзы (например, Лянчжу). Однако все они, вероятно, могут считаться только протописьменностью: ими можно было обозначать имя мастера или владельца сосуда, какие-то объекты, но передать звучащую речь со всеми ее грамматическими тонкостями эти знаки (обычно встречающиеся по два-три или вовсе в одиночестве) не могли. Скачок от протописьменности к собственно письменности Шан пока проследить не удается.

¹⁰⁷ В шанском языке не было маркеров вопроса. Возможно, он выражался интонационно.

с инспекцией в округ Линь, либо это должен сделать Цинь, либо это должен сделать Бин». «Положительный» ответ на любой из вариантов решал дело¹⁰⁸.

«Вероятно, правитель так часто обращался к гаданиям именно из-за того, что ему требовалось предсказать очень многое», – считает Дэвид Кейтли¹⁰⁹. Буквально всё: от капризов погоды до причин царской зубной боли, от благоприятного дня охоты до перспективы победы над врагом – необходимо было обсудить со сверхъестественным собранием богов и предков. Правитель явно считался ключевой персоной в абстрактной бюрократической иерархии: низшие, земные отделы состояли из родственников и подчиненных с их собственными местными полномочиями, а высшие, небесные отделы – из предков и богов, обладающих всеобъемлющими и более точными знаниями, – и обращаться к ним мог только правитель посредством гадания. «Живые и мертвые, таким образом, были вовлечены в общий ритуально структурированный разговор, в котором союзники и чиновники правителя Шан подчинялись ему, а правитель точно так же подчинялся своим предкам...»¹¹⁰

Хотя у предков, духов и богов была собственная иерархия, различить их порой нелегко. К главному божеству Ди обычно обращались косвенно – возможно, его считали прародителем правящей династии Шан (а может быть, и нет). Но к концу периода он, похоже, впал в немилость, а при династии Чжоу был полностью забыт. Кроме него советовались с другими духами, отвечавшими за посевы и реки, а также с правившими в былые времена царственными предками и несколькими Великими властителями, не считавшимися предками правителя. К ним можно было обратиться за помощью или попросить их о ходатайстве перед Ди. От предков особенно ожидали лояльности – они должны были участвовать в земных заботах потомков так же активно, как и при жизни. Возможно, найденные в царских гробницах еда и напитки в ритуальных бронзовых или керамических сосудах должны были не только обеспечить умершего пропитанием, но и дать ему средство сыграть роль посредника, совершив собственные ритуальные подношения.

Многие предки в комментариях к гаданиям названы по имени. Именно отождествляя имена некоторых из них с именами правителей из более поздних текстов, ученые смогли подтвердить историчность государства Шан. Но если предки обычно стояли на стороне правителей Шан, остальное сверхъестественное собрание вовсе не стремилось одобрять и поддерживать все их начинания. Царские вопрошания нередко получали отрицательный ответ, а властитель Ди отличался особенно суровым нравом. Он мог подстрекать врагов Шан вместо помощи в борьбе с ними или наслать бедствия вместо их предотвращения. Известный пример связан с госпожой Хао, которую надписи называют супругой правителя У-Дина (это она покоилась в роскошно обставленной гробнице, найденной в целостности и сохранности в Аньяне). Когда госпожа Хао забеременела, У-Дин надеялся, что родится мальчик (власть в Шан передавалась по мужской линии), и, разумеется, обращался с этим вопросом к богам. Однако его вопрошание «Роды госпожи Хао пройдут благополучно» не принесло желаемого ответа. По трещинам У-Дин смог прочитать только, что «если она родит в день *дин*, удача будет длительной». Предсказание казалось слишком расплывчатым, и император решил попытаться снова. Реакция по-прежнему была неоднозначной: теперь удачи можно было ждать, только если ребенок родится в день *дин* или в день *гэн* – что-то вроде четверга и субботы в десятидневной неделе Шан. Прогнозы были не слишком благоприятными, и, разумеется, они оправдались: «Через 31 день, в день *цзя-инь*, она (госпожа Хао) родила, и это было плохо: на свет появилась девочка».

Подобные примечания, добавленные к предсказанию через некоторое время, сравнительно редки. Иногда отмечали, что прогноз погоды оказался точным («Дождь и вправду

¹⁰⁸ Переводы надписей на гадательных костях цит. по изд.: *De Bary and Bloom. Sources of Chinese Tradition*. P. 7–19.

¹⁰⁹ . *Keightley. The Ancestral Landscape*. P. 119.

¹¹⁰ *Ibid.* P. 101.

был»), а охота – удачной (перечислена добытая дичь). Но исход более важных дел, например войн, часто оставался до конца неясным. Видимо, торжественное исполнение ритуальных совещаний с божествами было куда важнее, чем точность или польза их ответов. Главной целью этих действий было возвысить государство Шан и всех ее живущих и почивших представителей, продемонстрировать вассалам, подданным и неприятелям древность и высокое положение царского рода и то, с каким усердием правитель вовлекает его в свои дела.

В условиях физически и политически враждебного формированию протогосударства и сложной культуры окружения подобные демонстрации были необходимы. Известно, что во 2-м тысячелетии до н. э. климат в бассейне реки Хуанхэ был более теплым и влажным, чем в наши дни. Средняя температура на 2–4 °С превышала нынешнюю, кустарники и леса росли намного гуще, но зимы, вероятно, были такими же холодными. Люди выращивали в основном просо, может быть, пшеницу, редко рис. Вероятно, из-за морозов пресноводные черепахи в государстве Шан не водились, и их пластроны приходилось добывать у южных соседей; если удавалось достать живых черепах, их держали в прудах, но, видимо, не разводили. Было много дичи – буйволы, кабаны, олени и тигры (скорее всего, уссурийские). Тропические диковинки, такие как слоны и павлины, упоминаются редко. В письменных источниках следующего государства, Чжоу, говорится, что реки замерзали так основательно, что по льду могла перейти армия. Ранние осенние снегопады и поздние весенние заморозки считались обычным явлением в сельском хозяйстве и были одинаково важны и для крестьян, и для правителей, поскольку любое природное бедствие можно было истолковать как политическое предзнаменование.

Другие очаги цивилизации Древнего мира в долинах Нила, Тигра и Евфрата или Инда, где рано развилась письменность и появились города, не испытывали подобных трудностей. Там с наступлением тепла разливались реки, щедро орошая поля, а когда становилось прохладнее, выручали ласковые дожди¹¹¹. В располагавшемся же на 5–10 градусов широты к северу Китае никаких тепличных условий не существовало. Здесь жизнь была суровой, а выживание давалось людям с трудом. Ирригация в эпоху Шан была почти неизвестна, рассчитывать на стабильные урожаи не приходилось, и важное место в рационе занимало мясо диких животных и домашнего скота¹¹². Возможно, мы не слишком погрешим против истины, предположив, что люди Шан так искусно обращались с огнем, плавил бронзу и обжигали гадальные кости именно благодаря опыту, который приобрели, запасая топливо или сидя долгими холодными ночами вокруг раскаленного очага.

Политический климат был ничуть не благоприятнее природного. К позднему периоду правления Шан обычно относят термин «раздробленное государство»: это значит, что вассалов, которые непосредственно подчинялись правящей династии, было немного, но тех, кто находился в подчинении у этих вассалов, могло быть значительно больше¹¹³. Вассалов и союзников связывали с царями Шан узы родства: они были сыновьями или братьями правителей и их потомками¹¹⁴. Они тоже соблюдали ритуалы Шан и, в свою очередь, черпали в них силу. Они почитали тех же богов и предков, придерживались тех же погребальных обрядов и, несомненно, пользовались той же письменностью и календарем. Но общие интересы вовсе не гарантировали их непоколебимой верности центральной власти и не мешали им самостоятельно действовать на местах.

¹¹¹ В Египте и Месопотамии дожди шли редко. В Двуречье боялись града: «Если Адад побил поле...» (Законы Хаммурапи, § 45, 47). – *Прим. ред.*

¹¹² Мясо как диких, так и домашних животных регулярно попадало лишь на стол знати: у крестьян не было ни досуга для охоты (к тому же даже в те времена мест, где могли бы жить дикие животные, в весьма населенной долине Хуанхэ, было совсем немного), ни лишних пастбищ для разведения большого числа скота. Основной рациона шанцев были выращенные ими злаки и овощи.

¹¹³ Раньше такую структуру называли феодальной, но ныне это слово вышло из научной моды.

¹¹⁴ Данных о родстве шанских ванов и подвластных им князей *хоу* почти нет.

Между властными центрами Шан были рассеяны многочисленные «варварские» поселения, вероятно говорившие на другом языке и сохранявшие частичную или полную (и порой грозную) независимость. Их присутствие делало владения Шан мозаичными, а границы не до конца определенными. Внутригосударственные связи были родственными, а не территориальными. Географические и династические наименования, встречающиеся в гадательных надписях, позволяют заключить, что в конце 2-го тысячелетия до н. э. владения Шан занимали лишь северную часть нынешней провинции Хэнань и юго-восточную часть Шаньси. Вокруг лежали другие раздробленные государства, многие из которых были не слабее Шан и имели собственное бронзовое производство и, возможно, литературу. Маленькое и уязвимое государство Шан было в лучшем случае первым среди равных, а в XI веке до н. э., видимо, утратило и это преимущество.

Существование раздробленного государства Шан, в котором раздробленность, пожалуй, перевешивала государственность, в то время во многом зависело от личных усилий правителя. Судя по данным предсказаний, правители позднего периода Шан хорошо это понимали. Они не только соблюдали плотный график ритуалов, но и, как неоднократно отмечается в надписях на костях, «совершали поездки»: выезжали охотиться, сражаться, наблюдать за ведением сельского хозяйства и наводить порядок в своих владениях. Кроме того, они переносили свою «столицу» (или культовый центр), когда прежнее место переставало быть благоприятным, обычно из-за угрозы со стороны врагов или природных бедствий. Как часто это происходило, неясно, поскольку столица независимо от ее местоположения всегда называлась просто «это место» или «Шан» (позднее «Инь»)¹¹⁵. В более поздних текстах упоминаются семь переездов с места на место, из которых Аньян был, конечно, не первым, но мог быть последним. Весьма меткую формулировку предложил Дэвид Кейтли, назвавший царство Шан «бродячим»¹¹⁶.

Но даже при завидном долголетии правящей династии, при всем великолепии захоронений, раннем развитии технологий, сложности ритуалов и могуществе деспотичной власти позднее царство Шан оставалось всего лишь местным протогосударством, одним из многих. Возможно, оно обладало значительным влиянием до 1200 г. до н. э., но вряд ли после. Оно никоим образом не предвосхитило появление единой великой империи тысячу лет спустя. Тем не менее к 1046 г. до н. э. (в настоящее время это наиболее вероятная дата поражения Шан от государства Чжоу) оно обладало рядом культурных особенностей, которые воспринимаются как типично и даже исключительно китайские, и вполне возможно, именно поэтому в более поздней письменной традиции именно Шан была избрана для включения в общую преемственность династий.

Речь идет прежде всего о повышенном внимании к родословной и родственным связям, о поклонении предкам, соблюдении ритуалов и календарной системе. Кроме того, Кейтли отмечает в ритуальных мероприятиях Шан одну особенность, которая позднее наложила отпечаток на всю китайскую философию и религию, – ее «характерную посясторонность»¹¹⁷. Предки и боги играли в человеческих делах практическую роль, их не считали далекими и непостижимыми, им не приписывали невообразимых деяний, таких как сотворение мира или объявление нравственных «заповедей» – они были рядом, в своих гробницах и храмовых табличках, с ними можно было советоваться, призывать их к действию или пользоваться в собственных интересах их примером, мудростью и влиянием.

¹¹⁵ Инь – это термин (возможно, довольно нелицеприятный), использовавшийся соседями шанцев. Что касается склонности к частому переносу столицы, то этот вопрос, хоть и имеет довольно солидную историографию, по-прежнему неясен. Возможно, немалая часть облика «бродячего» государства базируется на летописях, написанных спустя столетия после падения Шан и решавших задачи совершенно иной эпохи. Стоит отметить, что мы не знаем, как шанцы называли свои первые столицы: все гадательные надписи относятся лишь ко времени существования последней из них.

¹¹⁶ . Keightley. Sources of Shang History. P. 55ff.

¹¹⁷ . David N. Keightley. The Shang // CHAC. P. 256.

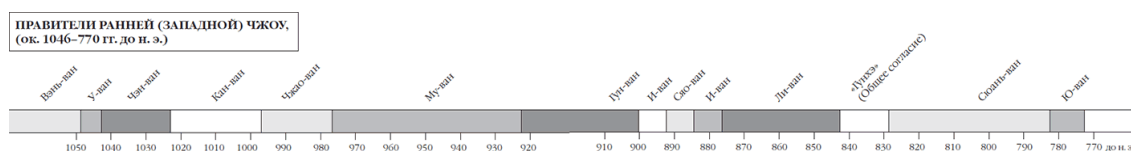
Бронзовое литье и поразительные художественные достижения эпохи Шан доказывают, что уже в глубокой древности в Китае существовал технический прогресс и развитое искусство. Но, как теперь ясно, этими признаками цивилизации обладало не только Шан – чего никак нельзя сказать о письменности. Более трех тысяч лет назад в государстве Шан использовали систему письма, которая и сегодня остается узнаваемо китайской, что само по себе примечательно, и которая к тому же вполне могла иметь долгую доаньянскую историю. Практическое применение письменности в государстве Шан имеет для нас особое значение. С самого начала она была поставлена на службу бюрократии: ее использовали для записи официальных событий, то есть для создания исторической документации. И в 1-е тысячелетие до н. э., в новую эпоху письменных источников, образованность, власть и история вступили рука об руку.

2

Мудрецы и герои (около 1050 – около 250 г. до н. э.)

Следы сандалий Чжоу

Чжоу, последнее из трех великих доимператорских государств (Ся, Шан, Чжоу), вытеснило Шан из нижнего течения Хуанхэ приблизительно в 1046 г. до н. э. Восемьсот лет спустя династия по-прежнему правила в этом регионе. В ходе этого династического марафона один за другим успели смениться тридцать девять правителей, в основном передававших власть от отца к сыну. Ни одна из правивших позднее династий Китая не продержалась больше половины этого срока. Можно сказать, Чжоу принадлежит мировой рекорд по продолжительности династического стажа¹¹⁸.

Восемь веков правления одной династии едва ли могли пройти без фундаментальных перемен. В течение этого долгого времени наука и культура пережили расцвет, благодаря которому появились первые классические тексты Китая. Значительные изменения претерпели общественный уклад, управление государством и военное дело. История постепенно выбралась из темных погребальных камер и наполненных костями жертвенных ям на задокументированный свет дня. Даты перестали быть приблизительными, территории – разрозненными, места сражений можно указать, а за поворотами военной фортуны – проследить. Появились монеты, строились общественные сооружения – оборонительные стены, системы орошения полей и защиты от наводнений¹¹⁹. Горизонты расширились. Возникли новые города, возделывалось больше земель. В лаконичных текстах появились узнаваемые личности, которые строили карьеру. Родство и происхождение больше не служили необходимым условием для государственной службы: профессиональные стратеги и дипломаты активно предлагали свои услуги и склоняли чаши весов власти в свою пользу. Зародившиеся при дворе бюрократические порядки распространились на гражданскую и военную администрацию. Ритуал пережил своего рода революцию. Подчиненные территории подражали могущественной Чжоу, одновременно агрессивно конкурируя друг с другом. Процесс формирования государственности шел, пожалуй, даже слишком успешно.

Самые славные достижения Чжоу сосредоточены в начале ее исторического пути. На первых государей взирали как на идеальный образец справедливого и добродетельного правления, их деяния изучали внимательнее и приводили в пример чаще, чем деяния любых других правителей в истории Китая. Последних царей Чжоу вспоминают обычно только в связи

¹¹⁸ Не стоит забывать про династию японских императоров, согласно традиции правящую уже более двух с половиной тысяч лет (из которых полторы тысячи подтверждены письменными источниками).

¹¹⁹ Все эти постройки, хотя, конечно, в гораздо меньшем масштабе, появились еще во времена неолита.

с их великими современниками. То была эпоха Конфуция и других мудрецов, время рождения китайской философии, плодотворная пора абстрактных рассуждений и рационального анализа. Долгие столетия правления Чжоу делятся, как в Древней Греции, на героический и классический период. Для китайской цивилизации это были судьбоносные времена.

Тем не менее в некоторых исторических трудах с ними расправляются довольно быстро. Одна солидная и уважаемая книга умудрилась втиснуть восемь столетий истории Чжоу ровно в столько же страниц, из которых большая часть отведена объяснению китайской письменности и экскурсам в мировую историю¹²⁰. Чжоу заслуживает гораздо большего, хотя следует признать, ее история действительно недостаточно документирована сохранившимися текстами. «Это лишь слабые следы сандалий правителей древности, – сказал Лао-цзы, родоначальник даосского учения, в беседе с Конфуцием, записанной в IV веке до н. э. в книге притч «Чжуанцзы». – Они ничего не расскажут нам о той силе, что направляла их [древних правителей] стопы... Следы, оставленные сандалиями, ничтожнее, чем даже сами сандалии»¹²¹.

Это далеко не единственная проблема, встающая перед историками. Появились тексты, и вместе с ними у китайских летописцев – привычка именовать, а затем переименовывать («исправлять имена») или вторично присваивать те или иные наименования людям, понятиям и явлениям. Редкий иностранный читатель не отшатнется при виде нагромождения одинаковых имен, титулов и географических названий. И, увлеченный мыслью, что Китаю предназначено стать единой империей, он будет стараться побыстрее проскочить загадочную Чжоу и скорее встретиться с уничтожившей ее соперницей – империей Цинь и триумфатором Цинь Ши-хуанди, Первым императором.

Справедливости ради следует отметить, что правление Чжоу, несмотря на протяженность, не всегда было славным. Далеко не все правители Чжоу отличались предприимчивостью, поражений на их счету в целом было больше, чем побед, а расширение довольно быстро сменилось отступлением. Можно сказать, что из восьми столетий правления Чжоу лишь одно пришлось на утверждение занятых позиций, а остальные семь веков они постепенно утрачивали приобретенное. Неуклонно теряя территории, подданных, ресурсы и влияние, Чжоу в конце концов сохранили за собой лишь свой законный титул. Если бы государство Чжоу было империей, его затянувшийся упадок можно было бы сравнить с падением Рима¹²². Возможно, Китаю нужен был хаос последних столетий Чжоу, чтобы оценить преимущества порядка и согласиться на жертвы, которых требовала предпринятая царством Цинь попытка объединить страну. Хотя не исключено, что многовековое правление Чжоу рассказывает иную, пусть и более спорную историю: беспрецедентно долгое правление одной династии, расцвет философии и интеллектуальной деятельности и довольно слабая внутренняя борьба никак не доказывают необходимость срочной централизации. Напротив, они говорят о том, что конгломерат местных союзов, развивавших локальные культурные традиции, отличался жизнеспособностью. Отклонением была империя, а не конкуренция множества царств.

По иронии судьбы сами цари Чжоу, стремясь закрепить первоначальный успех, подготовили почву для своего окончательного падения. Их происхождение не вполне ясно, но в XII веке до н. э. они утвердили свою власть на территории провинции Шэньси в долине реки Вэйхэ, притока Хуанхэ, окруженной плодородными землями и дорогами (в наше время вдоль Вэйхэ проложены главные ветки железной дороги с востока на запад) и пробивающейся через равнины и пустыни Шэньси. Некогда это были западные границы владений Шан, и здесь Чжоу, вероятно, контактировали с приграничным прототибетским народом цян¹²³. Правители Чжоу

¹²⁰ . *Fairbank and Goldman. China: A New History.*

¹²¹ Цит. по: *Waley. Three Ways of Thought in Ancient China.* P. 35.

¹²² Отсылка к классическому труду Э. Гиббона «Упадок и разрушение Римской империи» (1776–1788), в котором начало повествования идет от династии Антонинов (II век н. э.) до XVI столетия. – *Прим. ред.*

¹²³ Мы слишком мало знаем о цянах, чтобы уверенно говорить об их родстве с тибетцами. Некоторые ученые связывают

выбирали невест из народа цян, и при поддержке цянов предводитель Чжоу (посмертно получивший титул вана и храмовое имя Вэнь) бросил вызов государству Шан. Во время третьей вылазки на восток в долине Хуанхэ сын и наследник Вэнь-вана У-ван вступил в битву с правителем Шан в месте под названием Муе. Согласно последним расчетам, это произошло в 1046 г. до н. э. Силы Чжоу одержали победу, царство Шан было разгромлено, и его правитель покончил жизнь самоубийством. Подавив остатки сопротивления, чжоуский У-ван вернулся к себе домой, в долину Вэй (близ Сианя, на сегодняшний день еще одного города с шестимиллионным населением) и скончался там через два года после одержанной победы.

Позднейшие комментаторы, оглядываясь назад во всеоружии ретроспективного анализа и, разумеется, кое-где избирательно прикрывая глаза в интересах современности, нашли удобное объяснение этого успеха. Государство Чжоу заслужило благорасположение Неба своей выдающейся добродетелью, в то время как царство Шан утратило его в силу крайнего упадка нравов. Пьянство, кровосмесительные связи, каннибализм, похабные песни и изуверские наказания наполняют список ритуальных нарушений и правительственных упущений, вмененных впоследствии в вину последнему правителю Шан. Добродетель, которая некогда привела к возвышению Шан, покинула его, и вместе с ней династия лишилась права на власть. Государства совершают циклическое движение, подобно временам года и планетам: они возвышаются и приходят в упадок согласно высшей воле Неба. Царство Шан было обречено, поскольку Небо передало его земной «мандат» более достойной и более добродетельной династии. Поражение в Муе было неизбежно – и, вероятно, выиграть эту битву действительно ничего не стоило.

Впрочем, концепция Небесного мандата, или Небесного повеления (*тянь мэн*) для Шан оказалась новостью. Судя по надписям на гадальных костях, жители Шан считали верховным божеством сурового и внушающего трепет Ди. О Небе как безличной и непогрешимой верховной власти в надписях ничего не говорится. Очевидно, именно чжоусцы, некоторое время еще почитавшие Ди, положили начало этой новой «зачаточной историософии», которая впоследствии обрела большое значение для легитимации каждой следующей династии и стала краеугольным камнем существования Китайской империи¹²⁴. Согласно толкованию Чжоу-гуна, младшего брата покойного правителя У-вана, земную власть даруют Небеса – безличная высшая сущность. Право на власть подтверждается вручением Небесного мандата, срок действия которого конечен и в определенной степени зависит от добродетельного поведения его обладателя.

Сама эта фраза – «Небесный мандат» – впервые прозвучала в ходе полемики, освещенной в «Шу цзине» и развернувшейся после скоростной кончины У-вана около 1043 г. до н. э. Старший сын У-вана, будущий правитель Чэн-ван, в тот момент был слишком молод и неопытен, чтобы немедленно принять бразды правления. Поэтому был собран регентский совет, и Чжоу-гун, многоопытный политик и брат покойного У-вана, принял назначение при поддержке одного из своих единокровных братьев и молодого правителя. Но это тройственное соглашение возмутило других братьев царя Чжоу, которые вступили в сговор с недовольными представителями побежденного царства Шан и отказались признать законность нового правления. Государство Чжоу, стоявшее на пороге власти над огромными новыми территориями, вполне могло обойтись без кризиса престолонаследия, хотя он в конечном итоге стал «судьбоносным не только для Западного Чжоу, но и для истории китайской государственности в целом»¹²⁵.

этих врагов Шан (и изблюбленных объектов их жертвоприношений) с упомянутой выше гансуской культурой Цицзя. Видимо, на северо-западных границах Шан обитал целый конгломерат народов, связанных культурно и лингвистически как с будущим Китаем, так и с Центральной Азией. Возможно, они участвовали в этногенезе тибетцев (как, впрочем, и китайцев), на которых затем китайские авторы перенесли их название.

¹²⁴ . Creel. The Origins of Statecraft in China. Vol. 1. P. 83, 93.

¹²⁵ . Edward L. Shaughnessy. Western Zhou history // CHAC. P. 310–311.

В свете надвигающейся междоусобицы молодой правитель Чэн-ван, несомненно, под присмотром доблестного Чжоу-гуна решил посоветоваться с предками и обратился к гаданию на черепащем панцире. Дед Чэн-вана Вэнь-ван поступил так, когда чжоусцы впервые выдвинули претензии на власть. Тогда Небо улыбнулось «нашему стремлению возвысить нашу маленькую землю Чжоу». Другими словами, гадание подтвердило правильность намеченных действий. В этот раз ответ тоже оказался обнадеживающим: на вопрошание, следует ли выступить против повстанцев, трещины ответили утвердительно. «А посему я уверенно поведу вас воевать на восток, – заявил молодой правитель. – На Небесный мандат не следует слишком полагаться, однако гадание указывает на благоприятный исход дела»¹²⁶.

Война началась, и, поскольку мятежным братьям принадлежали земли, когда-то составлявшие центральную область государства Шан, войска правителя Чжоу снова прошли маршем на восток вдоль Хуанхэ, обращая врага в бегство, и на этот раз не остановились, пока не дошли до моря в провинции Шаньдун. Так в распоряжении Чжоу оказалась территория длиной более 1600 километров и шириной несколько сотен километров – фактически почти весь северный район колыбели китайской цивилизации.

---

¹²⁶ Shangshu zhengyi, 13, 24а, цит. по: *Shaughnessy* // CHAC. P. 314.

Классические тексты и время их появления	
<p>Шу цзин (Книга документов / Канон записей) И Чжоу шу (Утраченные [и вновь обретенные] записи Чжоу) И цзин (Книга / Канон перемен) Ши цзин (Книга песен / Канон стихов)</p>	<p>Западное Чжоу (1046–770 гг. до н. э.)</p>
<p>Чуньцю (Летопись «Весны и Осени»: Цзо чжуань) Чжаньго цэ (Планы сражающихся царств) Лунь юй (Конфуций, Беседы и суждения) Мэн-цзы Мо-цзы Хань Фэй-цзы Гуань-цзы Лао-цзы (Дао дэ цзин) Чжуан-цзы Сунь-цзы, Искусство войны Го юй (Речи царств / Речи, [имевшие место в разных] царствах) Чу цы (Чуские строфы) Сюнь-цзы</p>	<p>Весны и Осени; Чжаньго, Сражающиеся царства (770–250 гг. до н. э.)</p>
<p>Хуайнань-цзы Ши цзы (Сыма Цянь, Исторические записки) Хань шу (История Хань)</p>	<p>Хань (202 г. до н. э. — 220 г. н. э.)</p>

Победители раздали эти земли сородичам и военачальникам в виде феодальных наделов и вотчин. Раздел добычи положил начало возникновению территориальных единиц, которые при позднем Чжоу превратились в царства, а еще позднее стали для государств императорского Китая удобным источником наименований. Среди них были, к северу от Хуанхэ, Янь (около современного Пекина) и Цзинь, которая распалась на Хань, Вэй и Чжао, а также Ци и Лу в Шаньдуне (первое досталось цянскому союзнику Вэнь-вана¹²⁷, второе – сыну Чжоу-

¹²⁷ Гипотеза о цянских корнях Тай-гун Вана (Цзян Шана) выдвинута достаточно давно, но данных для ее верификации

гуна), и множество более мелких образований, таких как Тан и Сун (где позволили остаться раскаявшемуся предводителю шанской оппозиции).

История и география этих государств для нас сейчас не имеют большого значения, но примечательно, как долго удалось просуществовать в веках их именам. Множество поздних империй оглядывались на Чжоу и нечаянно созданные ими княжества для узаконения собственных позиций. Они не только присваивали их имена¹²⁸ – так, столетия спустя появились великие империи Цзинь, Вэй, Тан, Сун и т. д., но и претендовали на региональную связь с их правителями. Так или иначе, Чжоу и подчиненные княжества стали символом древней истины, сияние которой решительно затмевало их действительные достижения. Их воспринимали как непревзойденный образец, их имена придавали неоспоримый престиж, и неудивительно, что их эксплуатировали самым бесстыдным образом.

Можно отметить лишь одно исключение. Основанное сразу после бегства чжоуского двора на восток в 771 г. до н. э. на степных границах провинции Ганьсу княжество коневодов под названием Цинь редко привлекало благожелательное внимание гигантов будущего¹²⁹. Хотя Цинь было княжеством, царством, а затем империей, его имя мало кто стремился присвоить, и до XX века ни один китайский правитель по доброй воле не согласился бы признать свою связь с ним¹³⁰. Почти на всем протяжении китайской истории царственная династия Чжоу настолько превосходила в небесной благодати императорскую Цинь, что их считали абсолютными противоположностями. Правители Чжоу, несмотря на свою терпимость к «феодалному» федерализму (а может быть, как раз благодаря этому), считались воплощением добродетели, а правители Цинь с их агрессивным стремлением к централизации – вовсе нет. Только когда националисты оживили память о первом объединении Китая под властью Цинь, а марксисты и маоисты обнаружили в деспотичном характере инициатора объединения определенные революционные качества, не говоря уже о террактных доказательствах его огромного могущества, Цинь перестало быть бранным словом.

После своей окончательной победы триумvirат во главе с Чжоу-гуном основал новую столицу близ Лояна в провинции Хэнань, которая, с точки зрения Чжоу, была тогда отдаленной восточной областью. Там приблизительно в 1035 г. до н. э., после семи лет фактического

недостаточно.

¹²⁸ В большинстве случаев заимствование шло довольно сложным путем: имена чжоуских уделов вошли в привычную топонимику, дав наименования многим областям Северного и Центрального Китая (даже сейчас на номерах автомобилей из Шаньдуна стоит знак *ци*, а из Шаньси – *цзинь*, и т. п.). Названия средневековых империй обычно базировались на первых титулах, полученных их основателями еще до прихода к власти. Так, например, основатель империи Сун Чжао Куаньинь выбрал это название, поскольку до того был губернатором области Гуйдэ, также именуемой Сунчжоу («Сунская область»), поскольку примерно там размещалось в XI–III веках до н. э. одноименное чжоуское княжество.

¹²⁹ Циньцы, веками служившие чжоуским царям, были в числе немногих верных, в эту грозную пору сохранивших лояльность царскому дому, за что получили право на управление исконными чжоускими землями на юге Шэньси, только что оставленными их хозяевами. Представление о циньцах как о коневодах базируется прежде всего на летописной традиции восточных царств, на которую сильно повлияла антицинская пропаганда последних веков Чжоу, пытавшаяся выставить циньцев, неостановимо продвигавшихся на восток, в виде варваров и дикарей. По последним данным, как минимум циньский правящий дом происходил вовсе не из степи, а был переселен чжоусцами из окрестностей столицы государства Шан, где циньцы жили до этого. Ничего «варварского» в Цинь не обнаружили и археологи. Более того, похоронный обряд циньской знати в первые века истории княжества более консервативен, чем на востоке, и сохранил больше исконно чжоуских черт, чем можно видеть даже в синхронных гробницах Восточного Чжоу.

¹³⁰ Ранним Цинь называлась ненадолго объединившая Северный Китай империя, которой правила прототибетская (*ди*) династия Фу (351–394); Поздним Цинь – одно из государств, появившихся на обломках Раннего Цинь, под управлением также прототибетской (цянской) династии Яо (384–417). Наконец, тогда же появилось Западное Цинь, в котором правили сяньбийцы (прототюрки или протомонголы) из рода Цифу – оно существовало в 385–400 и 409–431 гг. Во всех случаях наименование было выбрано не для того, чтобы показать связь с первой империей, а потому, что центром всех этих государств была территория современной Шэньси, сокращенно именуемой Цинь. Великой Цинь китайцы как минимум с I века н. э. именовали малоизвестную им Римскую империю (точнее, ее восточную, азиатскую часть), и в данном случае слово, видимо, указывало как на западное положение этой страны, так и на то, что Рим – настоящая империя ничуть не хуже Цинь – в отличие от других западных стран.

правления, многомудрый Чжоу-гун отошел от дел государства, отказался вернуться в столицу предков на западе и вернул бразды правления законному государю Чэн-вану. За это отречение регента превозносят больше всего. Он управлял Чжоу во времена величайшего кризиса, стоял у истоков нового государства и многое сделал для его божественного обоснования и легко мог бы узурпировать трон. То, что он этого не сделал, служило убедительным доказательством его высочайшей добродетели и принесло ему славу, почти затмившую первых правителей Чжоу – Вэнь-вана, У-вана и Чэн-вана. Все историки без исключения превозносят его память, а нравоучители неизменно ставят его в пример. В «Беседах и суждениях» Конфуция стареющий философ вздыхает: «О, как я опустился! Уже давно не вижу во сне Чжоу-гуна»¹³¹ (VII.5)¹³².

Но действительно ли Чжоу-гун добровольно отказался от власти, или его вынудили это сделать, до конца неясно. По-видимому, его мнение о Небесном мандате несколько отличалось от мнения его коллег по триумvirату. В другой дискуссии по этому вопросу он настаивал, что мандат перешел от Шан не к государю, а к «людям Чжоу», и это в особенности касалось тех людей Чжоу, кто мог советовать правителю и наставлять его на путь добродетели. Фактически это был призыв к меритократии – правлению людей, доказавших свои способности и таланты, и к расширению прав и возможностей бюрократов и пожалованного землями чиновничества. Но этот призыв не нашел понимания у коллег Чжоу-гуна, сославшихся в качестве неоспоримого контраргумента на предсказательную практику. Если напрямую обращаться к Небу мог только правитель, значит, пользоваться Небесным мандатом тоже мог только он. Как избранный сын древнего рода Чжоу, он уже в некотором смысле воплощал собой «людей Чжоу». С точки зрения семейных отношений, столь дорогих конфуцианцам, он был отцом своего народа и Сыном Неба, и эту формулировку, как и сам Небесный мандат, в дальнейшем принимали все следующие правители.

Вопрос, следует ли рассматривать однозначно привилегированный статус правителя как оправдание или как препятствие самодержавной власти, оставался и до сих пор остается не до конца решенным. Если Сын Неба держал ответ только перед Небом, он мог позволить себе не прислушиваться ни к чьим советам. Но если обладание Небесным мандатом напрямую зависело от добродетельности его осуществления, правителю следовало быть более осмотрительным. Добродетельность правления оценивалась с точки зрения благосостояния государства и народа. «Любовь Неба к людям очень велика, – говорит герой «Цзо чжуань» (III век до н. э.). – Разве позволят они одному человеку руководить остальными, превозносясь и самодурствуя, предаваясь излишествам и попирая достоинства, которыми их наделили Небо и Земля? Разумеется, нет!»¹³³ Следовательно, если правитель, даже получивший предупреждение в виде военных поражений, гражданского недовольства или стихийных бедствий, отказывался взяться за ум, Небесный мандат автоматически выскальзывал из его рук, и на него мог предъявить законные права кто-то другой. При таких условиях Небесный мандат можно истолковать не как обоснование абсолютизма, но как приглашение к восстанию. Намеренно или нет, Чжоу-гун поднял крышку бронзового сосуда и выпустил из него конституционных червей.

Чэн-ван, избавленный наконец от интриг своего дядюшки, вполне мирно правил более тридцати лет (примерно 1035–1003 гг. до н. э.). В качестве завещания он оставил слова, которые бережно передавали из поколения в поколение и которые вполне могли бы послужить эпи-

¹³¹ Перевод Л. С. Переломова. См.: Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). Пер. с кит. и коммент. А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова, П. С. Попова при участии В. М. Майорова; Вступит. ст. Л. С. Переломова; Ин-т Дальнего Востока. М.: Восточная литература, 2004. С. 180. Исключительное место Чжоу-гуна в начале чжоуской истории во многом, вероятно, объясняется тем, что его сын был первым правителем княжества Лу – родины Конфуция, и культ Чжоу-гуна господствовал в этом княжестве. Возможно, если бы Конфуций, творчески интерпретировавший чжоускую традицию и объявивший ее основой основ, родился бы не в Лу, а в другом княжестве, то мы бы знали другого мудрого соратника малолетнего Чэн-вана, выстроившего блестящее здание чжоуской монархии, а Чжоу-гун остался бы в числе второстепенных персонажей.

¹³² Confucius. The Analects, vii, 5 // D. C. Lau translation.

¹³³ . Watson. The Tso-chuan. P. xvi.

тафией раннего Чжоу: «Сделайте стговорчивыми тех, кто далеко, приближайте к себе тех, кто обладает способностями. Усмиряйте и поощряйте земли большие и малые»¹³⁴. Кан-ван (ок. 1003 – ок. 978 гг. до н. э.), сын Чэн-вана и современник библейского царя Давида, прислушался к этому совету, и хотя проявлял больше склонности к поощрению, чем к усмирению, правил обширным и процветающим государством. Лишь в царствование его сына Чжао-вана (ок. 977–957 гг. до н. э.) и внука Му-вана (ок. 956–918 гг. до н. э.) власть Чжоу столкнулась с первыми неудачами¹³⁵.

К большому сожалению историков, хотя чжоусцы активно практиковали гадания, они редко давали себе труд записать на растрескавшихся от огня черепаших панцирях краткое содержание полученного предсказания – вопрос и ответ. Возможно, их записывали отдельно на менее прочных материалах – как почти наверняка поступали с результатами нового, набирающего популярность и более дружелюбного к черепахам способа гадания по случайному расположению палочек. Эти палочки (стебли тысячелистника) бросали одновременно по шесть штук, и они падали, образуя гексаграммы (шестичленные фигуры), которые предсказатель затем интерпретировал, опираясь на свод примет, каплю искусства и толику математики. Можно с уверенностью предположить, что результаты гаданий записывали, поскольку именно благодаря работе с гексаграммами появилась «Книга перемен» («Чжоу И» или «И цзин»). Этот классический текст, записанный в IX веке до н. э., состоит из афоризмов, разъясняющих значение фигур, и изображений, руководствуясь которыми предсказатель, вероятно, читал по гексаграммам¹³⁶.

В «Книге перемен» активно используется прием, типичный для китайского стихосложения и вообще литературы и искусства – сопоставление человеческих переживаний и забот с образами природы в восхитительно тонкой, хотя порой довольно туманной манере. Тот же прием можно найти еще в одном, более близком к современности (не гадательном) классическом тексте – «Ши цзин», или «Книге песен», над составлением которой, согласно позднейшим предположениям, работал Конфуций. Сборник состоит из ритуальных гимнов, героических стихотворений и пасторальных од, и первая песня в нем дает типичный пример использования этого приема. Негромкий крик птицы автор уподобляет брачному предложению, а лаконичные выразительные образы, звукоподражания и игра слов (в значительной степени утраченная при переводе) передают насыщенное чувство любовного предвкушения.

Утки, я слышу, кричат на реке предо мной,
Селезень с уткой слетелись на остров речной...
Тихая, скромная, милая девушка ты,
Будешь супругу ты доброй, согласной женой¹³⁷¹³⁸.

Спустя две с лишним тысячи лет это стихотворение по-прежнему входило в обязательный культурный багаж образованного человека. В пьесе «Пионовая беседка», написанной в 1598 г. Тан Сяньцзу, наставник скромной и серьезной героини знакомит ее с этим стихотво-

¹³⁴ Shangshu zhengyi, 18, 16a, цит. по: *Shaughnessy* // СНАС. Р. 318.

¹³⁵ Существует несколько вариантов хронологии правлений западночжоуских царей, но для точной датировки событий того времени совершенно недостаточно данных.

¹³⁶ Время составления «Книги перемен» – одна из многих загадок китайской древности, однако нет сомнения, что древнейший слой текста восходит к очень давним временам. В основе памятника – 64 фигуры, каждая из которых сформирована из шести черт – сплошных или прерванных. Процедура гадания заключается в выборе той или иной гексаграммы, которая затем толкуется гадателем – таким толкованием, собственно, является и следующий по времени написания – и древнейший текстуальный – слой памятника. Даже сейчас для выбора гексаграммы нередко используется тысячелистник, но способ его использования несколько отличается от описанного автором.

¹³⁷ Здесь и далее «Ши цзин» («Книга песен») цит. в пер. А. А. Штукина.

¹³⁸ Цит. по: *Shaughnessy* // СНАС. Р. 337.

рением, и она вдруг ощущает в себе тягу к любовным приключениям; как сообщает наставнику служанка героини в восхитительном английском переводе: «Ваша классическая экзегеза / Разбила ее сердце на куски»¹³⁹.

«Ши цзин», «И цзин» и другие классические тексты раскрывают аспекты ритуальной практики и общественного уклада в Китае в начале 1-го тысячелетия до н. э. и рассказывают о распространении и развитии литературной культуры. Историки, конечно, предпочли бы более основательный фактографический материал, и словно для того, чтобы сделать им приятное, Чжоу компенсировали молчаливость гадательных черепаших панцирей многочисленными надписями на бронзовых сосудах. Некоторые из этих надписей достаточно длинны и рассказывают о событиях и людях, известных по письменным источникам. Они оказались огромным подспорьем в расширении хронологии Чжоу, отправной точкой которой, как широко известно, является затмение, зафиксированное в текстах и астрономически соотнесенное с 841 г. до н. э. – «первая точная дата в истории Китая».

Большинство надписей на бронзовых сосудах перечисляют или просто фиксируют передачу подарков, наград, должностей или земель. Рассматривая их в совокупности со стилистическими изменениями бронзовых изделий, археологической обстановкой, широтой их распространения и данными позднейших текстов, вполне можно согласиться с утверждением Джессики Роусон, считавшей, что «достижения Чжоу действительно примечательны, и хотя им уделяют слишком мало внимания... [они] тем не менее оставили заметный отпечаток не только в своем времени, но и в жизни следующих поколений»¹⁴⁰.

---

¹³⁹ Цит. по: *Ebrey. China: A Political, Cultural and Social History*. P. 174–175.

¹⁴⁰ *Jessica Rawson. Western Zhou archaeology // CHAC*. P. 388.

Скорее осень, чем весна

Подробный анализ гробниц и кладов Чжоу, изобилующих бронзовыми изделиями, позволил Джессике Роусон сделать еще один вывод: в первые годы IX века до н. э. в ритуальных практиках Чжоу произошли радикальные перемены – самая настоящая революция. Неожиданно бронзовые сосуды стали крупнее и приобрели стандартизированную форму. Среди них стали часто встречаться одинаковые наборы предметов, очертания которых выдавали интерес к воссозданию архаичных форм, а надписи на бронзовых сосудах стали более единообразными. Кроме того, в захоронениях появился новый арсенал бронзовых колоколов и изделий из нефрита.

Этот процесс действительно можно назвать ритуальной революцией, поскольку все эти изменения подразумевали более грандиозное, шумное и организованное богослужение под твердым контролем центральной власти с привлечением большого количества зрителей. Вероятно, стандартизация ритуала на всей Великой Китайской равнине была связана с укреплением внутренних связей: освоение земель расширялось, и соседние феодальные княжества начали активнее контактировать друг с другом. Кроме того, надписи на бронзовых сосудах, как и гадательные кости эпохи Шан, были архивными записями, поэтому их собирали, выставляли и хранили как престижные семейные реликвии. Учитывая, что надписи на бронзе рассказывают о царских милостях, люди, бережно хранившие (и в некоторых случаях изготавливавшие) эти сосуды, явно были не царственными дарителями, а получателями, иногда относительно скромного происхождения. Другими словами, Чжоу расширяли свою социальную опору, одновременно подчеркивая собственное старшинство и превосходство.

В начале IX века до н. э. государство Чжоу находилось в расцвете сил, пользуясь большим влиянием, по крайней мере в ритуальных вопросах, чем когда-либо обладало Шан. По мнению Дж. Роусон, правители Чжоу не только считали себя преемниками централизованного государства Шан, но и «верили... что подобное единое государство – естественное состояние Китая», и настойчиво провозглашали эту политическую модель, хотя это вызывало определенное напряжение «в естественным образом раздробленном китайском регионе»¹⁴¹.

Впрочем, все это не противоречит той панихиде по царской власти, которую мы находим в письменных источниках. В конце концов, устойчивость ритуала не обязательно подразумевала непоколебимость политической власти. Правители Чжоу могли подчеркивать свое формальное превосходство для компенсации военных неудач, а вассалы – строго придерживаться предписанных ритуалов, чтобы скрыть склонность к политическому неповиновению. Предупрежденный об этой уловке «Книгой песен», читатель, пожалуй, не должен искать здесь однозначных совпадений. Но следует заметить, что археологические доказательства процветания Чжоу не согласуются и даже прямо противоречат письменным данным, повествующим о ее ослаблении.

Согласно письменным источникам, в 957 г. до н. э. государь Чжао-ван опрометчиво решил напасть на крупное соседнее княжество Чу на юго-восточной границе, платившее Чжоу дань, но, вероятно, не признававшее себя его вассалом. Войска Чжоу были разбиты наголову: шесть армий «пали в бою», а сам Чжао-ван погиб – возможно, утонул, но, скорее всего, был убит. Тринадцать лет спустя его наследник Му-ван с гораздо большим успехом воевал против *цзоань-жунов*, живших на северо-западной границе Чжоу, но не смог помешать отделению восточных вассалов Чжоу. «Правящий дом пришел в упадок, поэты сочиняли о нем насмешливые стихи», – сообщает Сыма Цянь, главный автор «Исторических записок», созданных в I веке до н. э. Очевидно, на какое-то время трон был узурпирован, поскольку следующему

¹⁴¹ Ibid. P. 449.

правителю пришлось восстанавливать свои права при поддержке «многих владетельных князей», а его преемник снова столкнулся с проблемами на востоке, судя по тому, что ему довелось сварить в котле живьем вождя Ци в Шаньдуне.

Около 860 г. до н. э. – в зените «ритуальной революции» Чжоу – великое княжество Чу перешло в наступление, вторглось на территорию Чжоу и достигло местности под названием Е в южной провинции Хэнань. «Правящий дом [Чжоу] ослабел... некоторые из владетельных князей не являлись ко двору, но нападали друг на друга». Очередное вторжение Чу произошло в 855 г. до н. э. Владетельные князья продолжали враждовать между собой. Двухсотлетнюю годовщину триумфа Чжоу в Муе молодой государь отметил в изгнании. Правление взял на себя регентский совет наподобие того, который когда-то возглавлял Чжоу-гун, и лишь четырнадцать лет спустя власть вернулась к сыну изгнанного правителя, Сюань-вану.

Сюань-ван правил долго (827–782 гг. до н. э.) и агрессивно. Отложившиеся вассальные земли были возвращены в состав государства, дань и торговые отношения с Чу восстановлены, на западе отбиты нападения народа *сяньюнь*. Но радость Чжоу оказалась непродолжительной. Грубое вторжение в Лу, еще одно княжество на территории провинции Шаньдун, не дало ожидаемых результатов, и «с этого времени многие владетельные князья перестали повиноваться приказам государя», – сообщают «Исторические записки».

Воцарение Ю-вана в 781 г. до н. э. было встречено всевозможными знаками небесного неодобрения – сильным землетрясением, оползнями и одновременным солнечным и лунным затмением. «О знамениях небесных и земных, предвещающих бедствия», – восклицает «Книга песен» об этом ужасном событии.

Вода, вскипев, на берег потекла,
С вершины горной рушилась скала,
Где берег горный – там долины падь,
И там гора, где впадина была.
О горе! Люди нынешних времен,
Из вас никто не исправляет зла!¹⁴²

Все это косвенным образом подразумевало, что правитель не справляется со своими обязанностями. Гибель царства Шан уже продемонстрировала, что, если государя преследуют несчастья, значит, он безнадежно дискредитировал себя и больше не может считаться благословенным Сыном Неба. Ю-ван пренебрегал всеми дурными предзнаменованиями, попрали традиции, самовольно изменив порядок престолонаследия в угоду фаворитке, и растерял доверие оставшихся вассалов, призывая их на защиту государства от захватчиков, когда на самом деле никакой опасности не существовало (огни на сигнальных башнях зажигали, чтобы развлечь обольстительную красавицу Бао Сы, занявшую место законной супруги). Вскоре вассалам это надоело, и когда в 771 г. до н. э. напали цюань-жуны, призыв Ю-вана о помощи остался без ответа. Брошенные на произвол судьбы чжоусцы были разгромлены, столица разрушена, а Ю-ван убит.

Оставшиеся в живых представители дома Чжоу, поспешно закопав множество бронзовых ценностей, чтобы сберечь их от врагов (и несканно порадовав археологов несколько тысяч лет спустя), бежали на восток, в запасную столицу Лоян. Там при поддержке группы сохранявших верность феодалов на трон взошел Пин-ван, сын Ю-вана, и древние храмы были отстроены заново. История государства Чжоу на этом не закончилась – ей предстояло существовать еще более пятисот лет. Но теперь, попав в зависимость от бывших вассалов, Чжоу царство-

¹⁴² Цит. по: *Shaughnessy // ШАС. Р. 149.*

вали, но не правили. Они цеплялись за остатки влияния, на которые позволяло рассчитывать их ритуальное старшинство.

Итак, история Западного Чжоу (1046–771 гг. до н. э.) закончилась, и началась история Восточного Чжоу (770–256 гг. до н. э.). Но поскольку правители Чжоу отныне играли только роль рефери на политической арене, этот период рассматривают не как династический период правления Восточного Чжоу, но скорее как пропуск в последовательном ряду династий. Этот пропуск – периодически повторяющийся любопытный феномен в истории Китая, к которому мы еще вернемся, – здесь делится на две части: период Вёсен и Осеней и период Сражающихся царств. Оба названия взяты из соответствующих исторических текстов: летописи «Вёсны и Осени» («Чуньцю»), охватывающей 770–481 гг. до н. э., и летописи «Планов сражающихся царств» («Чжаньго цэ»), охватывающей 490–221 гг. до н. э. Хотя разделяющая эти этапы дата вызывает споры (чаще всего называют 475 или 453 г. до н. э.), период в целом отмечен соперничеством множества бывших феодальных вотчин, теперь имевших статус государств, внутри и вокруг распадающегося царства Чжоу в нижнем течении Хуанхэ.

В три столетия периода Вёсен и Осеней число этих государств было больше, их размеры меньше, и масштабы конфликтов оставались сравнительно скромными. В «Цзо чжуань» (комментарии к летописи «Вёсны и Осени») упоминается сто сорок восемь полусуверенных образований: очевидно, беспорядочным феодальным дроблением земель в пользу родственников и иждивенцев занимались не только цари Чжоу, но и их вассалы. Но в ходе постепенного завоевания и поглощения одних образований другими число активных участников политического турнира сократилось, а сами они стали крупнее и сильнее. Сто сорок восемь мелких княжеств, городов-государств, независимых поселений и различных анклавов слились примерно в тридцать. В период Сражающихся царств в результате дальнейшего объединения основных участников стало семь, а затем три. Соперничество близилось к кульминации, ставки росли, страсти разгорались. «Весна» сумела прикрыть позор Чжоу завесой общей респектабельности, «Осень» сорвала и разметала эту непрочную завесу, как листву с деревьев, и наступившей вслед за осенью зимой Сражающиеся царства сошлись друг с другом в смертельной битве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.